

Замок на скале

Автор:

[Симона Вилар](#)

Замок на скале

Симона Вилар

Анна Невиль #3

XV век. На границе между Англией и Шотландией идет нескончаемая война. Но молодой английский посол Генри Стаффорд, которого опасность подстерегает на каждом шагу, не упускает возможности приударить за чужой женой, сыгравшей роль его ангела-хранителя! Генри уже решил, что добьется от таинственной красавицы взаимности. Если бы он только знал, кто эта женщина, какие политические интриги плетутся вокруг нее и какие планы на нее у властителей Англии...

Симона Вилар

Замок на скале

© Гавриленко Н., 2005, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2006, 2012, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Солнце в зените

Из тумана, окутавшего поле битвы при Барнете, воссияло солнце дома Йорков[1 - В гербе Йорков было изображено восходящее солнце.]. Эдуард IV Йорк наголову разбил своего злейшего врага, графа Уорвика, наконец-то избавившись от того мучительного напряжения, какое овладевало им при одном упоминании имени этого властного и честолюбивого вельможи, которого в Англии прозвали Делателем Королей и которому Эдуард был обязан тем, что десять лет назад взошел на трон.

И вот Эдуард мог теперь сказать, что восшествием на престол он ныне обязан только своему мечу. Он поднимал чаши на пирах и веселился, но его ненависть еще не насытилась, и он не отдал, как ранее, приказа - щадить простых солдат, казня лишь рыцарей противника. В тот день земля Барнета насквозь пропиталась кровью. Избиение было жестоким, ибо Эдуард Йорк не мог забыть простому народу любви и преданности, которые тот выказывал Уорвику.

Однако не успел король насладиться заслуженным торжеством, как прибыли гонцы с сообщением, что союзница Уорвика, королева Алой Розы, воинственная Маргарита Анжуйская, вместе с сыном, наследным принцем Эдуардом, высадилась на юге Англии, чтобы продолжить борьбу за дело Ланкастеров - партии, оспаривающей у Йорков право на престол.

Королю Эдуарду вновь предстояло сражение. Но была ли тому причиной победа над Делателем Королей или с возрастом он тверже уверовал в свои силы, однако король оставался спокоен и собран, и его твердость и отвага передавались сподвижникам.

Спешным маршем Эдуард двинулся из Лондона на запад. Еще раньше туда же поскакал его младший брат Ричард Глостер и, засев в своем городе Глостере, не впустил в него войско королевы, тем самым преградив ей путь. Войска ланкастерцев неожиданно оказались связаны по рукам и ногам. Дороги были трудными, продовольствия в обрез, перед ними находился хорошо укрепленный город с сильным гарнизоном, а гонцы уже приносили вести о приближении армии Эдуарда Йорка.

Маргарита без промедления отвела уставшую армию к северу. Это была королева-воительница, которая провела более полутора десятилетий в седле,

сражаясь с приверженцами Белой Розы. Ей было уже за сорок, но она упрямо скакала в покрытой пылью одежде впереди войска, подбодряя своим примером измученных ратников. Рядом с ней ехал красивый светловолосый юноша – Эдуард Уэльский. В отличие от гордо восседающей в седле королевы он казался подавленным. И как могло быть иначе, если гонцы, сообщившие о разгроме войск его тестя под Барнетом, принесли также и горькую весть о трагической кончине его юной супруги – дочери Уорвика Анны Невиль.

Эдуард был сокрушен. Он так спешил к ней, так надеялся, что, когда они вновь увидятся под небом старой Англии, все изменится и Анна станет ему покорной и доброй супругой! Она сама писала ему, как тоскует и ждет... И вот – конец. Принцу Уэльскому сказали, что ее тело обнаружили в каком-то болоте. Поговаривали также, что принцесса сама бросилась в омут от отчаяния, а это страшный грех...

– Поднимите голову, сын мой! – окликнула его королева. – Ваши воины глядят на вас, и вы должны быть твердым как кремень, даже если вы и в трауре.

Они приближались к Тьюксбери, когда их настигли передовые отряды Эдуарда Йорка.

Битва произошла на открытой равнине у ручья. Ланкастерцы были повержены, войско их смешалось в беспорядке, и многие кинулись бежать. Йоркисты настигали их и резали как скот, ибо Эдуард IV, как и при Барнете, не велел щадить ни рыцарей, ни солдат, ни обозных мужиков. С тех пор за этим местом закрепилось название Кровавый Луг.

После битвы король Эдуард в окружении братьев и военачальников пировал в шатре, когда его люди ввели связанного и окровавленного принца Эдуарда Уэльского.

– Что привело тебя, мальчишка, французский прихвостень, в Англию? – спросил у юноши король Эдуард.

Принц Уэльский гордо повел плечами.

– Я прибыл на эту землю, чтобы вернуть корону своему отцу, законному властителю Генриху VI, – корону, унаследованную им от отца и деда, королей

Англии.

Он держался настолько надменно и невозмутимо, что изрядно охмелевших победителей охватила слепая ярость. Толковать было больше не о чем, и несчастного принца буквально искромсали ножами и кинжалами. Когда его окровавленные останки вышвырнули из шатра, то стоявшего у входа стражника едва не вывернуло наизнанку.

На другой день стало известно, что часть ланкастерцев укрылась в аббатстве в городке Тьюксбери, и король отправил младшего брата, Ричарда Глостера, покончить с беглецами. Когда этот горбатый, но воинственный юноша подъехал к обители, сам настоятель вышел к нему навстречу, умоляя пощадить несчастных. Но Глостер после вчерашней пирушки чувствовал себя неважно и поэтому, не став слушать старика, заявил, что у аббатства нет прав убежища и он, как констебль Англии, требует выдачи беглецов. Утром следующего дня всех ланкастерцев казнили на рыночной площади в Тьюксбери.

А через несколько дней в одном из уединенных монастырей была схвачена и скрывавшаяся там королева Маргарита. С ней не церемонились, и довольные собой йоркисты тут же выложили королеве страшную весть о гибели принца Эдуарда.

С этой минуты Маргарита Анжуйская перестала отвечать на вопросы и больше не проронила ни звука. Солдаты грубо посадили королеву по-мужски на старую клячу, связав ей ноги под брюхом животного, и в таком виде как военный трофей доставили в Тьюксбери. У ворот города навстречу ей выехали все три брата Йорка – Эдуард, Джордж и Ричард. В пышных облачениях, на великолепных конях под богатыми попонами, они, хохоча, смотрели на эту втопанную ими в грязь женщину.

В этот миг Маргарита Анжуйская подняла голову и, протянув к ним связанные в запястьях руки, прокляла торжествующих Йорков:

– Да следуют за вами дурные предзнаменования! Да поразят вас болезни, горе и тоска! Живите среди лжи и предательств, и пусть вас обманут те, кому вы доверитесь! Дай вам Бог испытать раскаяние, когда будет поздно каяться, и пусть ваше потомство сгинет до срока! Будьте долговечней своей удачи и своих близких, познайте ужас и отчаяние, и да постигнет вас злая смерть!

Ее слова прервал смех Эдуарда. Он раскатисто хохотал, обнажая ряд ровных красивых зубов.

– Что ж, змея, теперь, когда у тебя вырвали жало, попробуй ужалить, если сможешь!

И, дав шпоры коню, он пронесся мимо, обдав плененную королеву пылью и комьями земли.

Однако оставался еще один человек, о котором Эдуард должен был подумать и решить его судьбу. Это был плененный король Алой Розы, муж Маргариты, Генрих VI Ланкастер. Сей монарх – последняя надежда приверженцев прежней династии, и, пока он жив, йоркисты не могли праздновать окончательную победу. К тому же волнения, поднимавшиеся в Англии в защиту взятого в плен «святого» Генриха, не могли не тревожить Эдуарда IV и его сторонников. И пусть несчастный монарх почти безумен, но если его освободить из темницы, еще не ясно, на чьей стороне окажется народ и не соберутся ли опять опальные ланкастерцы вокруг короля Ланкастера.

Эдуард вернулся в Лондон, но покоя в его душе больше не было. Он понял: пока жив Генрих VI, он не может позволить себе благодушия. Ведь существовала и мятежная провинция Кент, на свободе оставались графы Оксфорд и Пемброк, поспешившие под защиту французского короля Людовика, и дальний родственник Ланкастеров, юный Генрих Тюдор. Эти решительные эмигранты представляли серьезную опасность для власти Йорка, и Эдуард, уже однажды потерявший из-за своей беспечности корону, не хотел повторять старых ошибок.

Стояла глухая ночь. Бодрствуя, король задумчиво расхаживал по огромному залу древнего Вестминстера. Его шаги гулко отдавались в пустоте. От резных деревянных перекрытий под сводчатым потолком слабо доносился запах свежего лака. В дальних концах зала горело по факелу, посередине же царил полный мрак.

Слабо скрипнула дверь. Эдуард от неожиданности вздрогнул, но тотчас перевел дух, увидев на стене горбатую тень Ричарда Глостера.

– Это ты, Дик?[2 - Дик – уменьшительное от Ричард.]

Между королем и его младшим братом в последнее время было полное доверие. Что греха таить, бывали времена, когда между братьями пробегала черная кошка. Случалось и так, что король отправлял Ричарда в ссылку в его владения в Глостере. Но после того как Дик отважно бился за старшего брата под Барнетом и именно его стремительная атака и удачная сшибка решили исход битвы под Тьюксбери... Нет, после всего этого Эдуард не мог не приблизить к себе Ричарда и не осыпать его милостями. Он доверился брату абсолютно, и это, очевидно, начинало злить среднего из Йорков – Джорджа Кларенса.

– Чего тебе, Дик? – спросил король, когда Глостер подошел ближе.

У младшего Йорка одно плечо было значительно выше другого, он горбился и при ходьбе заметно приволакивал ногу. Ричард был калекой от рождения, но при этом во всех его движениях чувствовались неожиданная сила, пластичность и ловкость.

– Я знаю, что тебя тревожит, Нэд[3 - Нэд – уменьшительное от Эдуард.], – мягко проговорил Ричард Глостер. – И считаю, что ты прав. Ты не сможешь успокоиться, покуда жив этот полоумный Генрих Ланкастер. Тебе следует уничтожить его!

Эдуард вздрогнул, странно взглянув на брата. Он был почти на голову выше, и насколько Ричард был согбен, настолько статен и хорош собой был Эдуард. «Шесть футов мужской красоты», – говорили о нем в народе, и величественный король, с вьющимися светло-каштановыми волосами, смелым взглядом лучистых серых глаз и правильными чертами, и впрямь оправдывал это прозвище. Правда, в последнее время он несколько располнел и лицо его приобрело некоторую одутловатость. Тем не менее король был еще очень привлекателен!

Сейчас Эдуард в упор глядел на низко склонившегося младшего брата. Черные длинные волосы Ричарда падали на более низкое плечо, в черных глазах таился вызов, никак не вязавшийся с угодливо согнувшейся сутулой фигурой.

– Ты всегда предлагаешь такие вещи, на которые нелегко решиться, Дик, – медленно проговорил Эдуард.

– Почему же нелегко? Ты король, ты можешь позволить себе все что угодно.

– Но и Генрих Ланкастер король. Он помазанник Божий, и поднять руку на него значит совершить великий грех. Вспомни, даже Давид не стал поднимать руку на царя Саула, когда тот оказался в его власти. Я же и так уже пролил немало крови.

– И прольешь еще больше, если из-за пленного Ланкастера разразится новая война Роз! – почти выкрикнул Ричард Глостер, так что звук его голоса гулко разлетелся под сводами старого холла Вестминстера.

Эдуард даже вздрогнул, но Ричард едва ли не улыбался.

– Не забывай, Нэд, что ты стоишь над людьми, ты отвечаешь за мир и процветание в стране, а это для монарха куда важнее, нежели мысли о собственной душе и грехе цареубийства. Ах, помазанник Божий Генрих!.. – почти издеваясь, манерно заломил руки горбатый принц. – Ах, святой Генрих! Он молится в подземелье Тауэра, а его приверженцы куют оружие за морем. Будь же решительнее, мой король. И вспомни, что никто не восстал против деда нынешнего Ланкастера, когда тот уморил голодом в темнице Понтефракта последнего Плантагенета[4 - Генрих IV Ланкастер (1374–1399) сверг с престола своего предшественника из династии Плантагенетов, Ричарда II (1377–1399), и заморил голодом в темнице.]. Род, начавший свое царствование с преступления, должен этим же и окончиться. А безумному Генриху у Господа будет спокойнее, нежели в подземелье Тауэра, где он даже не соображает, что его сын убьет, жена исходит злобой, а дело его рода проиграно.

Приводя свои доводы, Ричард понимал, что брат легче решится на это, если кто-то разделит с ним ответственность, и он готов был это сделать, но отнюдь не из любви к Эдуарду, а чтобы укрепить на троне корни дома Йорков. К тому же, если их свяжет общая тайна, он, Ричард, сможет влиять на венценосного старшего брата, играя на его нечистой совести.

Позже, когда ночь уже клонилась к рассвету, герцог Глостер выехал из Вестминстера и в сопровождении только своего поверенного, сэра Джеймса Тирелла, направился в сторону Тауэра. В руках у него был королевский мандат...

На другой день в Лондоне прошел слух, что Генрих Ланкастер неожиданно скончался в Тауэре. Официально было объявлено, что несчастный король умер от меланхолии, но по городу пошли разговоры, будто Генриха нашли утром в

часовне перед распятием с разmozженной головой.

Король Эдуард выглядел взвинченным и озабоченным и предпочитал проводить время в покоях королевы Элизабет: ее ровный нрав и ласки действовали на него умиротворяюще. Ричард же, наоборот, все время находился на людях, был весел, однако лицемерно вздыхал и крестился всякий раз, когда при нем поминали несчастного Генриха. Именно он распорядился выставить тело покойного короля в соборе святого Павла для всеобщего обозрения. Ланкастерцы должны были раз и навсегда убедиться, что им не за кого больше сражаться.

И это возымело действие. Смуты в графствах прекратились. Даже король Людовик XI наконец склонился к союзу с Эдуардом IV, прислав своих послов, которые заявили, что французский монарх готов на известных условиях выдать английскому венценосцу беглого графа Пемброка и юного Генри Тюдора. Эдуард призвал для совета брата, но Ричард, как оказалось, считал, что не стоит утруждать себя по столь ничтожному поводу, как Тюдоры.

Эдуард, однако, придерживался иного мнения.

– Нельзя забывать, Дик, что мальчишка Генри Тюдор – потомок Ланкастеров. По женской линии его род восходит к Джону Гонту[5 - Джон Гонт – третий сын Эдуарда III. Его дети от Екатерины Суинфорд специальным парламентским актом были признаны законными. Родство Тюдоров с королевским домом было и через вдову Генриха V Екатерину Французскую, которая тайно обвенчалась с уэльским дворянином Оуэном Тюдором. Многие, однако, подвергали это венчание сомнению и считали ее детей бастардами.], а отец Генри был сводным братом Генриха VI.

Но Ричард лишь отпускал скабрзные остроты насчет того, что обе ветви имеют начало, не освященное Церковью, поэтому не стоит принимать этого мальчишку за подлинного Ланкастера. К тому же шпионы донесли Ричарду, что оба Тюдора – и дядя, и племянник – находятся вовсе не у короля Людовика, а у герцога Бретонского Франциска, и тот по праву считает их своей военной добычей, отнюдь не собираясь возвращать Франции.

Речи младшего брата успокаивали сердце короля.

Средний из братьев, Джордж Кларенс, получивший благодаря своей жене Изабелле Невиль почти все наследство покойного Уорвика, стал ныне едва ли не самым богатым человеком в Англии. Он впал в непомерную гордыню, одевался в немыслимо пышные одежды, устраивал грандиозные, невиданные по роскоши пиры. При короле он держал себя дерзко и даже стал поговаривать, что, если бы не любовь к брату, он не предал бы Алюю Розу и своего тестя Уорвика, и тогда Эдуард навряд ли получил трон.

Король хмуро поглядывал на него в такие минуты, но Кларенс, опьяненный сознанием своего величия, не придавал значения этим взглядам. И лишь заметив, что поток почестей, титулов и пожалований пролился на Ричарда, а вовсе не на него, невольно опешил.

– Милорд, брат мой! – восклицал он, обращаясь к королю. – Вы сделали калеку Глостера констеблем, главным судьей и стюардом герцогства Ланкастерского, да еще и наградили титулом вице-короля Уэльса. Перечень ваших милостей, обрушившихся на калеку Дика, не имеет границ, в то время как я, столько раз рисковавший жизнью ради вас, выступив против Уорвика, не удостоился ни одной мало-мальски пристойной награды!

Однако король лишь посмеивался, возражая, что Джорджу грешно жаловаться на судьбу, после того как он стал наследником Делателя Королей и самым богатым человеком в Англии.

– Милорд, это досталось мне лишь благодаря моему браку, от вас же я не получил ни единой привилегии. И это тогда, когда Дик... Я не говорю уже об этих выскочках Вудвилях, родственниках королевы, которые буквально заполонили двор. Вся Англия возмущена тем, как вы обращаетесь с наследием древнейших родов, раздаривая его направо и налево наглым и низкородным родичам королевы.

– Довольно, Джордж! – прервал брата Эдуард. – Я по горло сыт вашей жадностью и малодушием, как и вашими постоянными намеками на то, что именно вам я обязан короной. Не забывайте, что то же самое любил повторять и ваш тесть, граф Уорвик, упокой, Господи, его грешную душу. И чем это кончилось?

Джордж, насупившись, глядел на короля.

– Не упускайте из виду, Нэд, что парламентский акт семидесятого года провозгласил меня наследником престола после Ланкастеров! И разве сейчас, когда не осталось прямых потомков этого рода, я не являюсь претендентом на трон?

Эдуард какое-то время в упор смотрел на брата, потом медленно постучал себя пальцем по лбу и угрожающе усмехнулся.

– Говорят, тебя не так давно укусила за нос собачка. Порой мне кажется, что после этого ты несколько повредился рассудком. Бедный мой Джордж! Хотел бы я знать, как ты будешь выглядеть в глазах пэров в Совете, когда внезапно объявишь, что и ты тоже Ланкастер.

Джордж удалился в бешенстве. Действительно, на носу у него оставался заметный шрам от укуса, который приходилось запудривать. В остальном же он был по-прежнему хорош собой, статен и не лишен обаяния. И когда он разглядывал себя в зеркале, ему не раз приходило на ум, что со своей подлинно королевской осанкой он выглядел бы на троне несколько не хуже Эдуарда. И какая разница, чью корону наследовать – Ланкастеров или Йорков? Ведь при дворе еще не забыли, как мать Эдуарда, герцогиня Йоркская, во всеуслышание объявила, что родила первенца не от мужа, а от стрелка Блейборна, а значит, первым из Йорков является именно он – Джордж Кларенс. Что же касается достославного парламентского акта, то его никто не отменял, а если так, то разве не он по-прежнему законный наследник престола? Поистине не раз приходилось Джорджу пожалеть о том, что он так поспешно перешел на сторону Эдуарда под Барнетом.

Сомнения и колебания этого брата короля привели к тому, что в 1473 году он с готовностью поддержал ланкастерского графа Оксфорда, который обрушился на южное побережье Англии со снаряженной во Франции флотилией. Связным между ними служил брат погибшего Делателя Королей епископ Джордж Невиль. Когда же Оксфорд высадился в Корнуолле и попытался поднять мятеж, Кларенс, находясь в центральных графствах страны, открыто заявил о своих правах на корону.

Кончилась эта авантюра плачевно. Оксфорд был схвачен и заточен в Кале в крепости Хэмс, туда же заключили и епископа Йоркского. Теперь последнему из Невилей припомнили и родство с Уорвиком, и то, как некогда он помог уйти из-под опеки Йорков своей племяннице Анне Невиль, и то, что он взял под свое

покровительство семьи многих ланкастерцев. Епископа содержали в суровом заключении до 1476 года. Однако и выпустив престарелого прелата из темницы, король обобрал его до нитки. Лишь из милости Джорджа Невилля приютили в одном из монастырей его бывшей епархии, где он вскоре и скончался.

Что же касается Джорджа Кларенса, то, казалось, ему снова все сошло с рук. Король ограничился сдержанным выговором и на некоторое время удалил герцога от двора, запретив являться, пока сам король не изволит его призвать. Многие тогда решили, что Эдуард слишком мягко обошелся с мятежным братом. Но были и такие, кто утверждал: главным наказанием для Кларенса станет возвышение третьего Йорка, Ричарда, которого король как раз тогда назначил наместником Севера Англии.

И довольный Ричард не преминул поставить Кларенса в известность о своем новом назначении. Направляясь на Север, он специально навестил Джорджа в замке Кенилуорт, где опальный герцог проводил время, тоскуя и исходя желчью. И как же доволен был горбатый Йорк, наблюдая, как бесится Джордж, мечась в своем древнем уютном Кенилуорте.

– Все снова достается тебе! – возмущался Джордж, пока Ричард с аппетитом вкушал яства, которыми его угостили в Кенилуорте. – Почести, награды, власть – все само находит нашего Дика. То ты вице-король Уэльса, то великий чемберлен, а теперь вдобавок еще и наместник всего Севера! Эдуард сошел с ума, вручив тебе столько власти. Я ведь знаю, чего ты добиваешься, Дик! Ясное дело, вы с Эдуардом считаете, будто я круглый дурак, однако это не мешает мне видеть, что ты хитер как лис, а честолюбие твое не имеет пределов. Нечего сказать, тонкая тактика, милорд Глостер! Но твои уловки, Дик, не обманут меня, как обманули беднягу Эдуарда! Ты спишь и видишь себя на троне...

– Не более чем ты, – спокойно парировал Глостер, подхватывая ножом ломоть паштета.

Джордж вдруг криво улыбнулся.

– Возможно, мне и не удастся вышибить из-под Эдуарда трон, пока он популярен. Однако я знаю нечто, что проложит мне гладкую дорогу к короне, оступись Эдуард хоть на миг. И тогда королева Элизабет и все эти худородные Вудвили засуетятся, как растревоженное тараканье гнездо.

Продолжая ухмыляться, он отошел. Ричард внимательно глядел ему в спину. Он давно догадался, что короля и Кларенса связывает некая тайна. Эдуард неспроста так мягок и уступчив, и дело тут вовсе не в родственных чувствах. Да, кудрявый красавчик Кларенс безусловно знает что-то, с помощью чего может влиять на короля. Что бы это могло быть, если он ни разу не проговорился, несмотря на свою болтливость?

Когда на следующий день Ричард покидал Кенилуорт, из отдаленной замковой башни Сентлоу спустилась супруга Кларенса, леди Изабелла Невиль. Выглядела она усталой и раздраженной и, когда Кларенс о чем-то спросил ее, ответила сухо и неприветливо. Глостер тотчас понял, что супруги не ладят, особенно когда Джордж ни с того ни с сего, несмотря на пронизывающий ветер, прыгнул в седло, крикнув, что проводит брата.

– Что случилось с самой любящей парой в Англии? – смеясь, спросил Ричард, но Джордж лишь отмахнулся.

– Я никогда не был так уж безумно влюблен в Изабо. Спору нет, в юности она была хороша, как эльф, и сам Уорвик предложил мне ее в жены. К тому же я не сомневался, что именно ее, свою старшую дочь, Делатель Королей захочет увидеть на престоле – ее, а не эту дикарку Анну, черт бы ее побрал!

Ричард хмыкнул.

– Ты забываешь, Джордж, что *de mortuis aut bene, aut nihil* [6 - О мертвых либо хорошее, либо ничего (лат.)]. Или ты придерживаешься иного взгляда? Разве Анна не мертва?

Джордж раздраженно дернул повод лошади.

– По-моему, это ты, Дик, думаешь иначе. Говорил же я тебе, что лично опознал ее в том вздувшемся трупке утопленницы. К тому же и придворная дама моей жены, близко знавшая Анну, тоже узнала ее.

– Тебе всегда требуется ссылаться на авторитет этой леди, словно ты опасаясь, что тебе не поверят.

Джордж передернул плечами и глубже надвинул на уши шляпу. Из-за шума ветра им с братом приходилось почти кричать, и герцога это злило.

– Я сам прочитал отходную над телом бывшей принцессы Уэльской!

– Тебе просто была на руку смерть Анны Невиль. В одно мгновение ты стал обладателем всего состояния Делателя Королей.

– Это так, но именно это тебя и бесит, Дик. Ведь ты строил свои планы в отношении младшей дочери Невилья. Наш венценосный брат считает, будто ты был просто влюблен в нее, я же уверен, что ты хотел получить свою половину состояния Уорвика. О чем жалеть, Дик? Ты добился своего иным путем. Теперь ты великий Северный лорд, наместник Севера Англии. Можешь гордиться – тебе удастся мало-помалу отнимать власть и славу у бедняги Эдуарда. Но помни – когда Нэд пошатнется, я сумею добиться того, чтобы именно передо мною склонилась вся Англия!

Для Ричарда не было открытием, что самомнение Джорджа не знает границ.

Вскоре они разъехались, и Ричард уже не думал о Джордже. Зато упоминание об Анне Невиль заставило его задуматься. Он долго не желал верить в ее кончину, надеясь и в самом деле разбогатеть, получив ее руку. К тому же ему нужно было иметь Анну при себе, так как она знала слишком много нелицеприятного о нем. Но она умерла, погибла, утонув в трясине под Барнетом. Хорошо ли это для Ричарда? Если не брать в расчет потерю ее состояния, то хорошо.

При дворе не было принято упоминать имя бывшей принцессы Уэльской, поскольку обстоятельства ее гибели были столь смутными, что кое-кто поговаривал, будто Анна покончила с собой. Епископ Илийский Джон Мортон особенно был склонен верить этому, ибо полагал, что как никто другой знает нрав младшей дочери Уорвика. Однако король запретил распространяться об этом. Анна Невиль принадлежала к высшей знати Англии, одно время даже считалась невестой Эдуарда Йорка, и он не желал, чтобы чернили ее имя. Так или иначе, но слухи начали стихать и имя ее стало легендой – как и имя ее великого отца, Делателя Королей.

Время шло, и, несмотря на мрачные пророчества Джорджа Кларенса, слава Эдуарда IV росла, а трон его становился все устойчивее. В семидесятые годы

пятнадцатого столетия двор английских королей поистине стал одним из самых блестящих в Европе. Редко где можно было увидеть такие веселые и богатые празднества, как в Лондоне, столь грандиозные мистерии, и, пожалуй, нигде в таком изобилии не выставлялись напоказ роскошь и блеск. Иностранцев, бывавших в то время в Англии, ослепляла пышность английских церемониалов и придворной жизни.

Располневший, но все еще привлекательный Эдуард IV был весьма популярен в Англии. Его поддерживало большинство английской знати, за него горой стояли горожане и торговцы, получившие после войны Роз немалые привилегии от короля. Эдуард считался самым блестящим монархом своего времени, и его королева каждый год рожала ему по ребенку. Однако это не помешало Эдуарду обзавестись внушительным штатом фавориток. Любовные похождения Генриха II и Эдуарда III казались невинными шалостями по сравнению с амурными делами этого короля из рода Йорков. Эдуард был склонен к излишествам во всем: в любви, в пирах, в охоте и дорогой одежде. Однако нельзя не отметить, что окруживший себя роскошью король отнюдь не был пустым вертопрахом и расточителем. Он был первым властителем Англии, открыто признавшим культ нового божества – звонкой монеты, и к его славе удачливого полководца прибавилась еще репутация человека, способного извлекать деньги буквально из ничего. Как известно, английские короли в финансовых вопросах были весьма зависимы от воли парламента, Эдуард же делал все возможное, чтобы созывать парламент как можно реже. Долгое время он обходился средствами, захваченными у Ланкастеров, но когда эти деньги иссякли, король начал находить новые способы добыть их: то внезапно набрасывался на духовенство, требуя уплатить ему десятину, за то что он оставил святым отцам мирские владения, то вдруг занялся порчей монеты (стал чеканить ее с примесями более дешевых металлов), то поддержал горожан в их торговле сукном, столь выгодной для Англии, но в благодарность потребовал беневолий – так называемых добровольных даров и займов. Его министр, епископ Джон Мортон, придумал великолепную формулировку, впоследствии получившую название «вилка Мортон»: «Если вы достаточно богаты, чтобы много тратить, то вы всегда найдете чем поделиться с королем; если же вы недостаточно богаты, но экономны, то сможете найти средства, чтобы поделиться с королем».

Немалому обогащению Эдуарда способствовала и его военная кампания во Франции. В Англии со времен Столетней войны было популярным вести военные действия на континенте, во Франции. Поэтому королю не составило труда пополнить казну налогами для войны с «лягушатниками» из-за Ла-Манша. К тому же он выступил против Людовика XI в союзе с блистательным герцогом

Бургундии Карлом Смелым. Правда, только выступил. Ибо французский король Людовик Валуа не зря назывался «Христианнейшим лисом» и мало кто мог тягаться с ним в умении влиять на политику. Понимая, что Франции не под силу вести войну сразу и с Бургундией, и с Англией, Людовик попросту откупился от Эдуарда. На личной встрече монархов в местечке Пикиньи близ Амьена французский монарх предложил Эдуарду Английскому семьдесят пять тысяч золотых крон за отказ от союза с Карлом Смелым и обязался выплачивать Англии в качестве отступного ежегодно еще по пятьдесят тысяч золотых крон. Так Эдуард получал значительные деньги на свои нужды, не прибегая к созыву парламента. К тому же союз с Францией подкреплялся брачным договором между дочерью Эдуарда принцессой Элизабет и дофином[7 - Дофин - титул наследника престола во Франции.] Карлом Валуа.

А завершились переговоры тем, что Людовик, по сути, выкупил у Эдуарда королеву Маргариту Анжуйскую, все еще пребывавшую в заточении в Тауэре. Для Людовика это не было актом милосердия – взамен Маргарита обязана была отказаться от своих прав на Анжу и Лотарингию в пользу французской короны, а сама удалиться в один из монастырей. Так и случилось, и несчастная королева Алой Розы окончила свои дни в уединенной келье.

С отбытием Маргариты у Эдуарда стало одной головной болью меньше. Хотя начались другие неприятности – во время этой бесславной, но прибыльной кампании он умудрился подхватить малярию, приступы которой часто мучили его. Кроме того, против подобного договора вдруг во всеуслышание выступил его преданный брат Ричард Глостер.

– У вас великолепная армия, государь, воинский талант и добрые союзники. Но вы не сделали ни единой попытки воспользоваться этими преимуществами. Я считаю, что договор в Пикиньи был постыдной сделкой, умаляющей ваше рыцарское достоинство и воинскую славу старой доброй Англии, – Англии, которая держала в страхе всю Европу благодаря победам над французами.

Эдуард, казалось, был ошарашен всей этой пышной риторикой. Он попытался объяснить, что деньги для Англии после разорительной войны Алой и Белой Розы куда выгоднее, чем игра на руку Карлу Смелому, который оказался даже не готов к военным действиям. Однако Ричард заявил, что Эдуард слишком сдружился с барышниками из Сити[8 - Сити – центральная торговая часть Лондона.] и совершенно потерял воинственный дух Йорков. Он стоял на своем, пока их отношения с королем не испортились настолько, что Ричарду пришлось

вновь уехать на Север, где он был подлинным правителем.

Король долго пребывал в мучительном недоумении. Он чтит младшего брата, но эти рыцарские речи, эта пустая болтовня о чести Англии! Тем не менее он пропустил мимо ушей язвительное замечание прибывшего в Лондон Кларенса о том, что Ричард повел себя так исключительно ради того, чтобы завоевать популярность толпы.

Однако Джордж на этот раз оказался прав. Глостер оценил, какое впечатление произведет в Англии финал военной кампании Эдуарда. И когда все королевство принялось выражать недовольство Эдуардом Йорком, которого, как мальчишку, обвел вокруг пальца француз, имя Ричарда – единственного, кто осмелился указать королю на эту ошибку, – не сходило с уст.

Популярности герцога Глостера способствовала и политика, которую он вел на севере королевства. Этот дикий край, где лорды Пограничья вообще не желали признавать ничьей власти, неожиданно почувствовал, что им управляют – и управляют опытной рукой. Герцог не щадил непокорных, но и не скупился на милости для тех, кто впрягался в его упряжку. Впрочем, вскоре ему пришлось столкнуться с человеком не менее незаурядным, чем он сам, могущественным и признанным вождем Северной Англии. Это был Генри Перси, четвертый граф Нортумберленд. До Ричарда Глостера он единственный мог водворить порядок на Севере, и король Эдуард был вынужден идти на многие уступки, только бы Перси оберегал мир и покой в этих краях, контролируя вечно беспокойную англо-шотландскую границу. Однако с той поры, как Ричард стал наместником Севера, между Перси и Глостером началась подспудная борьба за первенство. Гордому Перси по требованию короля пришлось принести присягу на верность Ричарду Глостеру, признав этого хромого калеку своим сеньором. Но это вовсе не означало, что он готов был беспрекословно повиноваться. Глостер очень скоро понял, какого сильного врага он приобрел в этом северном Перси. Оба были хитры и честолюбивы, и ни один не желал уступать. На стороне Ричарда были поддержка короля и власть, на стороне графа Нортумберленда – вековая преданность северян дому Перси.

Существовало лишь одно, в чем и Глостер, и Нортумберленд оказались поразительно единодушны, – их общая неприязнь к шотландцам. Однако набеги из-за Твиданесли пограничному краю Англии такой урон, что в итоге оба североанглийских лорда – и Глостер, и Нортумберленд – пришли к выводу, что необходимо добиться мира с Шотландией, а для этого было бы неплохо

заклучить брачный союз между малолетним наследником Якова III Шотландского и одной из дочерей Эдуарда. Впервые проявив завидное единодушие, оба северных герцога прибыли в Лондон, чтобы обсудить данный вопрос с королем. Каждый из них в глубине души жаждал обойти соперника, надеясь, что король именно его назначит послом к шотландскому монарху. Но Эдуард, вопреки ожиданиям, поручил переговоры другому лицу – человеку, в то время весьма популярному при дворе, но которого король желал под любым благовидным предлогом отослать прочь. Эта ссылка должна была выглядеть такой почетной, чтобы никто не мог заподозрить, как добивается ее король. Ибо этим человеком был вельможа столь дерзкий, что отважился перейти дорогу Эдуарду именно там, где это не рискнул бы сделать ни один из его подданных.

Упомянутым лицом был молодой Генри Стаффорд, герцог Бекингем.

Бекингем происходил из древнейшего рода и являлся потомком короля Эдуарда III. Он был пэром Англии и принадлежал к остаткам той старой аристократии, которая почти вся была перебита во время войны Алой и Белой Розы. Его дед и отец погибли, сражаясь за Ланкастеров, а сам он ребенком жил вместе с матерью в глуши Уэльса, в замке Брекнок. В двенадцать лет он осиротел, и Эдуард IV велел доставить мальчика ко двору под свою опеку. Но вскоре Стаффорда пожелала видеть при своей особе королева Элизабет. Мальчик был необыкновенно красив, к тому же королева была очарована причудливым сочетанием у юного Стаффорда благородных манер и дикарских выходок. Генри стал ее пажом, носил шлейф королевы, придерживал стремя, когда она садилась в седло. Она была королевой Англии – он ее маленьким слугой, но в его жилах текла кровь Плантагенетов, она же была мелкопоместной леди, возвысившейся исключительно благодаря любви короля. Что думал обо всем этом юный Бекингем, никто не знал. Он казался благодушным и всем довольным, но всякий раз вскидывался, как жеребенок, если королева пыталась его приласкать.

Замечала ли это Элизабет? Она была умной женщиной. С годами она почувствовала вкус власти, привыкла к почестям и ко всеобщему преклонению – и оказалось, что это само по себе стоит того, чтобы мириться с изменами супруга. Шаг за шагом Элизабет добилась того, чтобы двор короля Эдуарда стал ее двором. Она создала себе опору среди многочисленной родни, наделив всех этих двоюродных и троюродных титулами, породнив их с прежде могущественными, но истощенными в войне ланкастерскими семьями. У королевы было пять братьев и столько же сестер, были у нее и два сына от ее

первого брака с лордом Грэм, не говоря уже о всевозможных тетушках, племянниках, кузенах, которые обжились при дворе и которым Элизабет неизменно покровительствовала. Поэтому, приблизив к себе родовитого юного Бекингема, она хотела и его видеть своим союзником. Для этого Элизабет затеяла помолвку мальчика со своей младшей сестрой Кэтрин Вудвиль.

Однако этот на первый взгляд такой покладистый Стаффорд неожиданно заупрямился. И настолько, что это стало почти скандалом. Король тогда только вернулся после похода во Францию, и Элизабет пожелала, чтобы он лично настоял на этом браке. Эдуард любил уступать своей королеве, и пышная свадьба состоялась, однако ни жених, ни юная новобрачная не выглядели счастливыми. Дабы молодые сблизились, их отправили в Уэльс, чтобы вдали от сплетников двора они поближе познакомились и научились быть семьей. Там, в родовом замке Стаффордов Брекноке, у молодой четы родился сын Эдуард. Однако, когда через время Бекингем появился при дворе, он не пожелал привезти с собой супругу.

Сам же молодой герцог стал популярен при дворе. Богатый и знатный, он не имел в родословной ни единого пятна, к тому же был чарующе красив. Как все валлийцы[9 - Валлийцами называли жителей Уэльса.], он был смуглым, но эта смуглость тонко гармонировала с аристократическими чертами его лица. Он был высок и гибок, с малолетства привык управляться с оружием, его волнистые черные волосы, вопреки придворной моде, небрежно падали на лоб и плечи, придавая особое очарование утонченному облику. И особенно хороши были глаза сэра Генри – огромные, как у девушки, прозрачные, удивительного цвета чистой небесной лазури.

При дворе Эдуарда IV Бекингем вскоре стал одной из наиболее заметных фигур. Не было такой дамы, которая не заглядывалась бы на Генри Стаффорда, не вздыхала бы о нем украдкой. Это бесило короля, который уже начал терять былую привлекательность, располнел, часто хворал. Он по-прежнему предавался излишествам, но теперь, глядя на него, уже трудно было поверить, что когда-то его называли «шесть футов мужской красоты». Эдуард обрюзг, лицо его отекло и приобрело нездоровый оттенок, а глаза, прежде чистые и дымчато-прозрачные, теперь отливали желтизной и недобро глядели из-под тяжелых век. И при всем этом король не переставал волочиться за каждой юбкой без разбора: замужней или незамужней дамой, дворянкой или особой низкого сословия, добиваясь расположения женщин если не деньгами, то посулами, но, когда они уступали, чаще всего грубо прогонял их.

Исключение составляла лишь Джейн Шор, жена торговца из Чипсайда, которую Эдуард вырвал из семьи и поселил при дворе. После давнишней истории с Элизабет Вудвиль это было второе по силе увлечение короля. Джейн Шор мало походила на средневековый идеал красоты, была не златокудрой и высокой, а наоборот – маленькой, черноволосой, с ореховыми глазами олененка и золотисто-смуглой, как у испанки, матовой кожей. И тем не менее чары этой горожанки были таковы, что королева впервые в жизни забеспокоилась.

Однако Джейн была не глупа. Имея влияние на Эдуарда, она понимала, что не ей тягаться с его долголетней привязанностью к жене. Королева была старше Эдуарда, но оставалась все еще весьма привлекательной, несмотря на испортившие ее фигуру частые роды. Джейн же брала молодостью и живостью, которые, однако, не давали ей обольщаться насчет того, что не она, а именно Элизабет Вудвиль владеет душой монарха. Поэтому Джейн всячески стремилась продемонстрировать свое почтение государыне, даже расположила к себе ее величество своим незлобивым нравом и детской беспечностью. Но вот в чем смекалки Джейн совсем не хватало, так это в ее неконтролируемой влюбленности в красавца Бекингема.

Эдуард поначалу не придавал этому значения. Ведь и лорд Гастингс, и пасынок Эдуарда маркиз Дорсет попали под очарование смуглой Джейн. Она с ними лишь кокетничала и смеялась. Заволновался король, только когда стал замечать, какими глазами смотрит его фаворитка на Бекингема.

Король недолюбливал молодого герцога – так стареющий недужный ловелас недолюбливает молодого и полного сил баловня дам. Теперь же Бекингом начал раздражать его. Королю то и дело доносили: во время празднества Генри Стаффорд несколько раз подряд танцевал с мистрис Шор, затем их видели продолжительно беседующими в нише окна, причем Джейн была весела и оживлена чрезвычайно. Когда же во время охоты в Горнси-парке эти двое отбились от кавалькады и несколько часов где-то пропадали, Эдуард окончательно возненавидел Бекингема. Однако он ничего не мог с ним поделать. Это был уже не тот мальчишка-сирота, которого он едва ли не за ухо приволок к алтарю, – это был достойный потомок Плантагенетов, могущественный лорд, который при желании мог в считанные дни поднять весь Уэльс. И король оказался бессилён, ибо никто в Англии не поддержал бы его, посмей он поднять руку на Бекингема из-за какой-то распутной горожанки.

Джейн по-прежнему клялась Эдуарду в любви и обиженно надувала губки, когда король устраивал сцены ревности. Однако стоило появиться красавчику Генри, как она была не в силах отвести от него глаз. А тот обращался с ней галантно-небрежно, хотя и был почтителен в рамках этикета. На короля же поглядывал нарочито невозмутимо, улыбаясь одними уголками губ.

Эдуард решил удалить его, но все еще колебался. Сделать это надлежало так, чтобы не стать объектом насмешек. Именно в это время ко двору прибыли Глостер и Нортумберленд и встал вопрос о посольстве в Шотландию. Король видел, что оба северных лорда вот-вот готовы сцепиться, оспаривая друг у друга право представлять английскую корону при дворе Стюарта, и поэтому неожиданно прервал их:

– Успокойтесь, милорды! Дабы вопрос о посольстве не стал яблоком раздора между любезным нашим братом Глостером и вами, дорогой друг Перси, к Якову Стюарту отправится некто иной. Я полагаю, что имя молодого лорда Бекингема, сэра Генри Стаффорда, не вызовет у вас возражений...

Когда Бекингему сообщили о решении короля, он лишь сдержанно поклонился и поблагодарил за оказанную честь. Но его синие глаза, когда он поднял их на короля, таили такую насмешку, что Эдуард едва сдержался, чтобы в последний миг не вспылить. Он долго беседовал с Бекингемом, обсуждая все детали переговоров и возможных соглашений. Когда же сэр Генри наконец двинулся на Север, сопровождаемый внушительным посольским эскортом, он вез в Шотландию, помимо условий договора, и личное письмо Эдуарда IV к Якову Стюарту. В этом не было ничего необычного. Но Бекингему и в голову не могло прийти, что рукой Эдуарда было начертано в самом конце письма.

Там значилось:

«Дражайший брат наш Яков! Я стану молить за Вас небо и Вы всегда сможете рассчитывать на нашу поддержку, если как можно дольше задержите в своих пределах нашего доброго Генри Стаффорда. А уж если молодой Бекингем пожелает навсегда остаться в Шотландии и мы никогда не увидим его, то в Англии никто не наденет траура по этому поводу. Мы же сочтем себя Вашим должником вдвойне».

1. Рождественская ночь герцога Бекингема

Волюнки стонали и гнусавили так, что Генри Стаффорд едва сдерживался, чтобы не выбежать из зала. Нет, он решительно не мог привыкнуть к душераздирающим звукам любимого инструмента шотландцев. Особенно сейчас, когда из-за мигрени у него раскалывалась голова, эти пронзительные завывания, лязг мечей и дикие выкрики пляшущих горцев вызывали у герцога адские мучения.

Отодвинув от себя блюдо с колопсом[10 - Колопс – шотландское национальное блюдо, запеканка из мелко нарубленного мяса с луком.], он откинулся на спинку кресла и устало скомкал салфетку. Тут же откуда-то возник услужливый паж и с поклоном подал сверкающий таз с душистой водой для омовения пальцев, а расторопный стольник тотчас заменил тарелку. Генри усмехнулся: изысканность обихода двора Якова III странным образом сочеталась с варварскими ухватками вождей горных кланов, чувствовавших себя в королевском замке Линлитгоу так же непринужденно, как и в диких ущельях Хайленда.

Генри поглядел на короля. Маленький, бледный, с жесткими, напомаженными и завитыми в локоны волосами и острым носом, он уже изрядно подвыпил, и глаза его блестели, когда он созерцал дикую «пляску меча», которую отплясывали перед ним воины трех северных кланов. Конечно, Стюарт был доволен: даже старейшины его двора не могли припомнить, чтобы вот так, в танце, сходились вместе члены враждующих семей Мак-Ферсонов, Мак-Интошей и Мак-Кеев. Впрочем, вожди кланов, приглашенные на Рождество, торжественно поклялись не проливать крови, пока не закончится Господне перемирие[11 - Господне перемирие – мир, заключаемый в дни крупных религиозных праздников.] и они не вернутся в свои пределы. А пока их воины плясали у стоявших вдоль пиршественного зала длинных столов, при свете факелов, среди клубящегося над головами дыма, который завывающий за стенами замка ветер загонял обратно в трубы, отчего пламя в очаге стонало и приседало, мечась, как затравленный зверь.

Встречать Рождество в Линлитгоу пришлось неожиданно. Двор короля направлялся из любимой резиденции Якова III, замка Стерлинг, в Эдинбург, как вдруг разыгралась непогода, вынудившая их сделать остановку в этом замке

над озером. А поскольку буря и проливной дождь, перешедший в снежную метель, не прекращались, было решено отпраздновать Рождество здесь. Правда, это помешало прибыть многим знатным лордам, которых Яков заранее пригласил в Эдинбургский замок, зато Линлитгоу стоял на пути двигавшихся с севера горцев, и теперь на пиру было гораздо больше клетчатых пледов, чем камзолов и рыцарских цепей. Впрочем, Яков до последней минуты слал в Эдинбург гонцов, в особенности когда стало известно, что сам надменный Арчибальд Дуглас, граф Ангус, решил вместе со всем семейством посетить короля на Рождество Господне, но из-за разыгравшейся непогоды от Дугласа не было никаких вестей. Король не мог решить – то ли ему поспешить к своему грозному вассалу с извинениями, то ли обидеться на то, что последний пренебрег его приглашением.

За стенами замка прогремели раскаты грома и налетел новый неистовый шквал. В окнах задребезжали стекла. Многие стали креститься, и лишь горцы били пятками в пол, отплясывая свой танец, как люди, привыкшие в своих краях к любым сюрпризам погоды. Под завывание ветра камин вновь дохнул дымом, его клубы взмыли к потолку, где в массивных, подвешенных на цепях люстрах металось колеблемое сквозняками пламя факелов.

Генри невольно потер виски. От головной боли не было спасения, и, чтобы хоть как-то отвлечься, он стал разглядывать длинный полутемный зал с выступающими ребрами стрельчатых арок из грубо отесанного камня. Голые стены замка в честь праздника были украшены гирляндами из лавра и темного остролиста с ярко-красными ягодами, который, по поверью, приносит в Рождество счастье и удачу. И тем не менее все здесь казалось пустым, холодным и унылым. Ах, разве думал он, счастливец Стаффорд, пэр Англии, родственник короля, что ему придется встречать Рождество при этом несносно скучном дворе! Силы небесные! Он прибыл в Шотландию в конце лета, когда на холмах и в долинах цвел лилово-пурпурный вереск, а теперь уже все пожухло, стало угрюмо-бурым и вскоре вообще скроется под снегом! Да, почетное посольство поистине превратилось для него в ссылку.

А ведь на первых порах все складывалось так хорошо! Он явился в Стерлинг с подобающим эскортом, под звуки труб, одетый с такой роскошью, о какой в этой дикой Каледонии[12 - Каледония – древнее название Шотландии.] и помыслить не могли. С королем Яковом он держался на равных, но был изысканно учтив, и весьма скоро договор о помолвке наследного шотландского принца Якова и маленькой дочери короля Эдуарда Сесилии Английской был подписан.

Оставались пустяки: решить вопрос о набегах на англо-шотландской границе. Обычно это совершалось быстро и являлось чистой воды формальностью, поскольку не в силах государей двух соседних королевств остановить не прекращавшуюся столетиями войну в Пограничном крае. И вот, когда Генри уже считал вопрос решенным, неожиданно возникли трудности. Яков Стюарт, ознакомившись с условиями договора, вдруг отложил перо.

– Я хотел бы, чтобы в договор был внесен еще один пункт.

Именно этот пункт оказался невыполнимым. Шотландский монарх категорически потребовал, чтобы к его двору доставили в цепях одного из лордов Пограничья – барона Майсгрейва.

– Этот человек творит беззаконие на рубежах. Мои отряды объезжают стороной его владения, ибо нет большей опасности, чем встретиться с его бешеными наемниками. Они гонят прочь всех, кто пробует проехать берегом Лиддела[13 - Лиддел – река в Пограничном крае.], и преследуют их почти до стен замка Хоуик, словно барон считает весь этот край своей вотчиной. Похоже, что сей лорд вознамерился перекроить границу по своему усмотрению!

После этих слов Бекингом испытан нечто похожее на гордость за своего соотечественника. Якову же заметил, что многие земли в Пограничном крае все еще считаются спорными и владеет ими тот, кто сильнее. Но Яков Стюарт пришел в ярость и заявил, что договор не будет скреплен его подписью, пока разбойника Филипа Майсгрейва не бросят в Толбутскую тюрьму в Эдинбурге, чтобы король мог решить его участь. Дело принимало серьезный оборот: из-за какого-то лихого северного барона мог рухнуть мирный договор между двумя королевствами.

Генри Стаффорд, стараясь не выказывать раздражения, спокойно возразил:

– Ваше величество, с таким же успехом вы могли бы потребовать и голову самого Перси. Барон Майсгрейв верный слуга короля Эдуарда, не раз сражавшийся на его стороне под знаменем Белой Розы. Более того – известно, что барон оказал своему государю и другие услуги, ибо его величество Эдуард IV благоволил к нему и нередко величает своим другом.

– В отличие от вас, милорд, – мелко рассмеялся Яков, но тут же переменял интонацию. – Мое решение непоколебимо! Либо Майсгрейв в цепях, либо наш союз не состоится и я не поставлю подписи на пергаменте.

В ту пору Генри еще не понимал, что из-за упрямства Якова Стюарта ему придется надолго застрять в Шотландии. Это стало очевидным лишь позднее, когда он написал о нелепом требовании Якова своему королю, а тот, вместо того чтобы возмутиться и отозвать посла, распорядился уладить все полюбовно, но ни в коей мере не задевая интересов Майсгрейва.

Интересы Майсгрейва! Теперь, когда этот барон стал для него ключом от родины, Генри преисполнился негодования. И тем не менее он ничего не мог поделать в сложившейся ситуации. Время шло, и вскоре гордому Стаффорду пришлось отказаться от пышного эскорта, оставив при себе лишь небольшой отряд лучников, а из всего штата прислуги – двух оруженосцев: преданного, но вечно брюзжащего и трусоватого Ральфа Баннастера и Гуго Дредверда, веселого и обходительного, но не знающего меры в женолюбии. Герцог уже дважды заставлял его щеголяющим перед шотландскими красавицами в нарядах с плеча своего патрона.

При мысли о шотландских красавицах Генри ощутил новый приступ головной боли. Отправляясь к незнакомому двору, он мечтал о новых блистательных победах над сердцами северных леди. Но оказалось, что при дворе Якова Стюарта дам практически нет и даже со своей женой король видится не чаще раза в год. Те же дамы, что состояли в свите сестры Якова принцессы Маргариты, только о том и помышляли, чтобы хранить ледяное достоинство, были абсолютно лишены обаяния, а кокетство считали уделом падших женщин. С мужчинами они держались надменно, а любой комплимент истолковывали как оскорбительную фамильярность. Увы, сегодня, после рождественской мессы, Генри имел случай в очередной раз убедиться в этом, однако сейчас, когда так трещала голова, ему не хотелось вспоминать об этом досадном инциденте.

Пляска наконец-то закончилась. Горцы были разгорячены, их лица блестели от пота, и Бекингем, уже давно ощущавший, как стынют ступни в остроносых шелковых туфлях, с некоторым удивлением поглядывал на этих пышущих жаром дикарей в их нелепых клетчатых килтах, с голыми, словно не чувствительными к холоду ногами, обутыми в грубые броги[14 - Броги – кожаная обувь шотландских горцев.].

Едва горцы вновь заняли места за столом, как загремели фанфары и в зал потянулась вереница нарядных лакеев со второй переменной блюд: огромные мясные пироги, туши вепрей с вызолоченными клыками, фазаны, длинные перья которых, подрагивая, свисали с золоченых подносов, молочные поросята в венках из сахарных цветов, зажаренные целиком косули с приправленной пряностями подливой. Главный стольник с самым церемонным видом нарезал мясо для короля, но Яков даже не прикоснулся к еде, продолжая что-то шептать своему фавориту Кохрейну, чья алмазная цепь на бархате камзола сверкала ярче свечей. Бекингом заметил, что и король, и его фаворит поглядывают в его сторону. Да и не только они. Казалось, уже давно внимание присутствующих занимают не столько пляски горцев, сколько его особа. Бекингом знал почему. Всею виной это нелепое происшествие после рождественской мессы. Господи, как дики эти люди, как терпят они всех этих низкородных временщиков, подобных Кохрейну, к которому сейчас так льнет король! Их привело в замешательство случайное происшествие во дворе замка – и то лишь потому, что в нем оказалась замешана графиня Ангус. Слово есть что-то дурное в том, чтобы оказать любезность даме во время ненастья!

Сейчас Бекингом полагал, что у него и в помыслах не было ничего иного. На деле все обстояло несколько иначе. Марджори Дуглас поразила его, едва появилась в церкви святого Михаила, где шла месса. Генри не знал, кто эта дама, но уже одно то, что она возникла в столь неурочный час, среди пурги и мрака, привлекло его внимание. Он даже улыбнулся, припоминая то мгновение...

...Полночь, прекрасный голос с амвона торжественно возгласил:

– Родился Божественный Младенец! Славьте Сына Божьего, славьте Спасителя и Его Пресвятую Матерь!

Вся толпа молящихся в едином порыве опустилась на колени, и мощно зазвучало «Gloria in excelsis Deo» [15 - Слава в вышних Богу (лат.)]. Гремел орган, торжественными раскатами перекрывая бешеное завывание ветра. И именно в эту минуту распахнулась тяжелая дверь церкви и под ее своды ступила группа запорошенных снегом людей.

В рядах молящихся произошло замешательство, даже певчие в хоре стали сбиваться. Но прибывшие, словно стараясь не привлекать внимания, торопливо осенили себя крестным знаменем и, встав на колени, смешались с толпой прихожан.

Среди них была и дама. Она проскользнула вдоль бокового нефа и опустилась на колени на женской половине. Бекингом не сразу разглядел ее лицо, он видел только, что она высока ростом и движется величаво и грациозно. Великолепный плащ из серебристой лисы и то, что она осмелилась явиться в разгар службы, указывали, что эта леди вовсе не обычная запоздавшая прихожанка. Генри был заинтригован. Все оставшееся время службы он не спускал с нее глаз, пока незнакомка не взглянула в его сторону. Она не была так хороша, чтобы сразу потерять голову, казалась чересчур смуглой, но, с другой стороны, рядом со всеми этими бледными, словно бесцветные призраки, леди шотландского двора у нее было явное преимущество.

Генри улыбнулся ей. Дама тут же опустила глаза и поспешила отвести взгляд. Больше она не оборачивалась, хотя Бекингом неотрывно смотрел ей в затылок.

Оруженосец герцога Ральф Баннастер был недоволен поведением своего господина.

– Ради всего святого, милорд! Вы поступаете по меньшей мере неосторожно. Эти шотландские варвары чуть что хватаются за мечи, в особенности когда так смотрят на их женщин. Умоляю вас...

Но Генри словно сорвался с цепи. Впервые за все то время, что он находился в Шотландии, его ждало приключение, и он ни при каких обстоятельствах не желал от него отказываться.

Когда по окончании мессы продрогшие прихожане потянулись к выходу, королевские гвардейцы потеснили толпу, выкрикивая:

– Дорогу, дорогу его величеству королю!

Началась сутолока. Ворвавшиеся в распахнутые створки потоки дождя со снегом загасили факелы. Воспользовавшись темнотой и общей неразберихой, Генри протолкался к незнакомке и, мягко взяв ее под локоть, вывел из толчеи на улицу. В темноте она не узнала его и доверчиво взяла за руку, шепнув:

– Это ты, Роберт?

Но они уже вышли на крыльцо, где на них обрушились вихри мокрых хлопьев, и даже если бы Бекингем и ответил, его слова потонули бы в реве ветра. Поэтому он лишь прижал к себе незнакомку и, прикрывая ее от вьюги, начал увлекать через двор, туда, где виднелась небольшая дверь в угловой башне.

Дама, закрыв лицо большим капюшоном, покорно следовала за ним, пока они не оказались в помещении башни, где было почти совершенно темно.

– Это ты, Роберт? – снова мягко спросила она, и голос ее был столь чарующим, что Бекингем впервые не обратил внимания на бесконечно раздражавшее его шотландское произношение. В ответ он лишь слегка пожал ее руку и, когда маленькая ручка ответила ему, начал увлекать женщину вверх по лестнице.

– Это чистое безумие, милый, – прошептала она, но послушно пошла за ним, пока они не миновали пролет лестницы. Однако здесь, к великому огорчению герцога, горел факел, и дама, неожиданно разглядев своего провожатого, в ужасе отпрянула.

– Кто вы?

Генри любезно поклонился.

– Я тот, кого ваша несравненная красота сразила с первого взгляда.

Женщина не отрываясь смотрела на него.

– Англичанин?

– Увы, да. Я всего лишь посланец короля Эдуарда, и, к величайшему прискорбию, имя мое отнюдь не Роберт.

Ах, лучше бы он не напоминал ей о ее оплошности, потому что дама, вдруг осознав, что выдала себя, не на шутку испугалась и, пронзительно закричав, со всех ног кинулась вниз по лестнице! Он попытался удержать ее, но в темноте наступил на шлейф ее плаща, потерял равновесие, и они вместе рухнули вниз и покатались по ступеням, пока не оказались на нижнем ярусе башни. Лежа под англичанином, женщина отчаянно визжала, в то время как Генри, ругаясь на чем

свет стоит, барахтался, путаясь в ворохе ее юбок и делая безуспешные попытки подняться на ноги.

В этот миг дверь отворилась и громкий голос выкрикнул:

– Марджори!

Кто-то стал поднимать Бекингема, но он, чертыхаясь, вырвался. Марджори по-прежнему визжала как резаная. Набежали какие-то люди.

– Я убью вас, кто бы вы ни были! – гремел в темноте чей-то голос.

– Лучше помогите даме встать! Она лежит на холодном полу.

Слава Богу, кто-то наконец принес фонарь, за мутным слюдяным окошком которого трепетал слабый огонек. При этом скудном освещении Генри увидел рыжеволосого юношу, поднимавшего перепуганную Марджори. Вокруг толпились вооруженные ратники, и на какой-то миг ему стало не по себе.

– Если вы причинили графине хоть малейший вред... – Голос юноши сорвался.

– Бог мой, да я только проводил ее через двор, ибо дама стояла одна на ветру, пока ее люди где-то шлялись.

– Да, и затащили в башню! Все англичане развратны, как и их король.

У Генри на языке вертелась ядовитая отповедь насчет короля шотландцев, но он вовремя сдержался. Из тьмы возник брат короля – герцог Олбэни.

– Что здесь происходит?

Он единственный из всех догадался прикрыть дверь, и в башне сразу стало тише. Теперь не приходилось повышать голос, чтобы перекричать вой ветра.

Рядом с Олбэни топтался Гуго Дредверд, оруженосец Бекингема. В руках у него тоже был фонарь, и он приподнял его, осветив происходящее, а затем тихонько

присвистнул, увидев растрепанную, гневно всхлипывающую даму. Именно этот плутоватый посвист вернул Бекингема присутствие духа.

– Ваше высочество, эта леди в такое ненастье стояла одна на ступенях церкви, и я взял на себя смелость проводить ее через двор в эту башню, поскольку ее свита была поглощена...

– Неправда! У графини Ангус было достаточно сопровождающих! – вскричал рыжий юноша. – И вы ответите за оскорбление ее светлости! Мой кузен Арчибальд Дуглас не мог лично прибыть к королю на празднование Рождества и прислал супругу со мной. Поэтому, пока мы здесь, графиня находится под моим покровительством.

Он по-прежнему поддерживал Марджори Дуглас, даже не замечая в пылу, как крепко прижимает ее к себе. Бекингом нагнулся и, подняв роскошный меховой плащ графини, протянул его ей. Юноша в ярости вырвал плащ из рук англичанина.

– Сэр Роберт, держите себя достойно! – властно проговорил Олбэни.

– Сэр Роберт? – приподняв бровь, переспросил Генри. Он был слишком взбешен, чтобы не воспользоваться возможностью для маленькой мести.

Кивком головы указав графине на рыжеволосого юношу, он осведомился:

– Так это и есть «милый Роберт»?

Леди Дуглас вдруг слабо вскрикнула и лишилась чувств. Вокруг зашумели, а Роберт Дуглас в ярости бросился на Бекингема. Для этого ему пришлось освободить руки, и безжизненное тело графини снова оказалось на полу.

Стычку предотвратил Олбэни.

– Милорды, не забывайте, что вы находитесь при дворе короля! А вам, сэр Роберт, я рекомендовал бы заняться кухней. Что же до его светлости герцога Бекингемского, то он королевский посол, а следовательно, лицо неприкосновенное.

Затем брат Якова Стюарта проводил англичанина в его покои и там выложил герцогу все, что думает по поводу случившегося.

– Я бы и смертельному врагу не пожелал оказаться на пути Дугласов! – гремел он, мечась по комнате и отшвыривая ногами мебель.

Бекингем с сожалением разглядывал свой перепачканный мокрым камзол.

– Бог мой! И это говорите вы, Стюарт, человек, отец которого смог уничтожить Черного Арчибальда Дугласа и унижить Джеймса Дугласа настолько, что сейчас он из милости живет при дворе моего государя! [16 - Арчибальд Дуглас был убит в замке Стерлинг, после чего брат покойного, Джеймс, поднял в Шотландии мятеж, и одно время силы сторон были равны. Но Якову II удалось привлечь на свою сторону многих приверженцев Дугласа, и вскоре войско последнего было разбито, а сам он бежал в Англию.]

Олбэни, успокоившись, остановился и снял нагар со свечи. Его некрасивое круглое лицо стало задумчивым, на стене лежала тень от его массивной фигуры. Брат короля был прирожденным интриганом, однако у него были свои виды на дружбу с Англией, и поэтому Генри чувствовал себя как бы под покровительством этого второго из Стюартов. Они даже сдружились, насколько могут сдружиться молчаливый, вечно себе на уме шотландец и жизнерадостный, любвеобильный англичанин. Правда, Бекингем, неглупый, несмотря на все свое легкомыслие, довольно скоро понял, что означает это расположение герцога Олбэни. В то время как о дворе Якова III ходили самые скверные слухи, а король окружал себя жадными фаворитами низкого происхождения вроде каменщика Кохрейна, Олбэни удалось добиться поддержки некоторых влиятельных шотландских вельмож. Но герцог Олбэни, Александр Стюарт, зная, насколько непостоянны привязанности шотландских родов, хотел также получить поддержку англичан, в частности у наместника Севера Англии Ричарда Глостера, с которым Бекингем находился в приятельских отношениях. И Генри обещал Олбэни потолковать с горбатым Диком об этом союзе. Теперь же Олбэни поведал англичанину, чем может для него закончиться история с графиней Ангус.

– В Шотландии было две ветви Дугласов, – пояснял он, нервно теребя меховую опушку обшлагов камзола. – Черные Дугласы, с которыми расправился мой отец, да будет благословенна его душа, и Красные Дугласы, которые после поражения Черных стали одним из самых могущественных семейств Шотландии. Глава клана, лорд Арчибальд, граф Ангус, ехал, чтобы отпраздновать Рождество при

королевском дворе, и прибыл в Эдинбург, где его и застали гонцы Якова с сообщением о том, что празднование переносится в Линлитгоу. Граф тут же велел собираться в дорогу. Однако произошло непредвиденное. При выезде из Эдинбургского замка лошадь Ангуса поскользнулась, и граф упал, повредив ногу. Он не мог тронуться в путь, и тогда его племянник, лорд Роберт Дуглас Лохливенский, упросил графа отпустить с ним в Линлитгоу молодую графиню. Граф Ангус страстно любит Марджори, безумно ревнует ее и почти никогда не вывозит из замка Дугласов. И все же в этот раз Ангус решил взять ее с собой и, чтобы развлечь и доставить жене удовольствие, отпустил с лордом Лохливеном на рождественский пир в Линлитгоу. Впрочем, с большой неохотой. Представьте же теперь, как трясутся над Марджори все эти прибывшие вместе с ней Дугласы. Надеюсь, вы понимаете, что они не посмеют явиться к главе клана, не отомстив обидчику? Все мое влияние не в силах защитить вас, и поэтому мой вам совет – соберите своих людей, я дам вам опытного проводника, и вы немедленно отправитесь в Стерлинг.

Генри сделал вид, что сбивает пушинку с плеча, а затем взглянул на Олбэни и ослепительно улыбнулся.

– Вы хотите, милорд, чтобы Бекингема сочли в Шотландии трусом? И не глупо ли пускаться в путь, когда такая непогода, а в большом зале Линлитгоу стынет рождественский ужин?

Именно тогда Генри почувствовал, что надвигается приступ мигрени. Он был раздражен и зол, но даже самому себе не хотел признаться в том, что боится. Тем не менее он приказал Гуго Дредверду подать лучший камзол из стеганого атласа с подставными плечами. Полы и манжеты камзола были подбиты лебяжьим пухом, на груди алмазной вязью был начертан девиз герцога: «Souvente me souvene»[17 - Вспоминай меня часто (фр.)].

В этот момент в комнату влетел Ральф Баннастер.

– Пресвятые угодники! Милорд, весь замок только и говорит о том, что вы пытались посягнуть на честь графини Ангус. Боже, что с нами теперь будет!..

Бекингем лишь хмуро поглядел на него, продолжая застегивать алмазные запонки на манжетах. Ральф уныло уставился на сверкающий девиз герцога.

– Вспоминай меня часто! Кто-кто, а уж Марджори Дуглас вас наверняка не скоро забудет.

Генри Стаффорд повернулся, как на пружинах.

– Дьявол тебя заberi, Ральф! Ты знаешь меня с детства, так вспомни, был ли хоть раз случай, чтобы я позволил себе грубо обойтись с дамой?

– Но все об этом говорят!

Генри рассмеялся.

– Видит Бог, сегодня один я вынужден защищать доброе имя графини!

Кудрявый красавчик Гуго, заметив, что герцог несколько оживился, осмелился обратиться к нему с просьбой.

– Мой господин, у меня неприятность. Ветер и снег совершенно испортили мою высокую бургундскую шляпу. Не позволите ли вы мне надеть ваш тюрбан из золотой парчи?

На это Бекингем вдруг вспылал, заявив, что Господь послал ему в услужение труса и дурака, но, видя, что Гуго окончательно расстроен, в конце концов смягчился. Ему всегда нравился этот стройный юноша, добродушный и преданный.

– Будь благодарен, что я отдал тебе ради светлого праздника свой шелковый белый колет, и уймись. Видишь, мы с тобой почти одинаково одеты. Что же до парчового тюрбана, то я намеревался надеть его сам. Впрочем, можешь взять себе любую другую шляпу по своему вкусу.

И вот теперь Бекингем сидит за пиршественным столом, нарядный и вконец измученный головной болью. Он ест, пьет и разглядывает зал, словно не замечая множества устремленных на него взглядов. Алмазный девиз огнем полыхает у него на груди, алмазные нити сверкают в складках пышного тюрбана, он держится с нарочитой небрежностью, хотя впервые в жизни жалеет, что привлекает к себе столько внимания. Его раздражают шум в зале, навязчивая

музыка на хорах, запах гари в этом холодном помещении, завывания ветра за окном. Король Яков время от времени визгливо смеется, склоняясь к Кохрейну. В конце концов они встретились взглядами с венценосцем, и тот, навалившись на стол, фамильярно поманил Бекингема пальцем. Король был пьян, щеки его багровели, а маленькие глазки возбужденно поблескивали из-под светлой челки. Все, что оставалось герцогу в подобной ситуации, – это также наклониться через стол и в свою очередь поманить пальцем короля. Яков поначалу опешил, а потом расхохотался. Смеялись и гости, сочтя все происходящее удачной шуткой.

Однако чем оживленнее становился Яков, тем мрачнее казался герцог Олбэни. Порой и он поглядывал на Бекингема, и тогда герцог улыбался ему, приподнимая кубок. «Интересно, как долго у него сохранится желание защищать меня? Олбэни коварен и непостоянен. Я нужен ему только как связующее звено с Глостером. Но захочет ли он ради меня испортить отношения с Дугласами? Варварская страна! При каком еще дворе Европы посол может оказаться в таком опасном и двусмысленном положении?»

Что касается младшего из братьев Стюартов – графа Мара, то этот уже был откровенно пьян и тупо икал, уставившись на серебряный кувшин перед собой. Бекингом знал, что между братьями царит вражда, что Яков ненавидит изменчивого герцога Олбэни, а про графа Мара поговаривали, будто он без конца ворожит против братьев, стараясь свести их в могилу, чтобы самому завладеть тронном.

Единственной женщиной за королевским столом была принцесса Маргарита – бледная, утомленная девушка. Казалось, этот шумный пир не доставляет ей никакой радости, она все время куталась в меховую накидку, а когда объявили третью перемену блюд, встала и, сославшись на головную боль от дыма, собралась удалиться. Но в этот самый миг на середину зала выступил церемониймейстер и, ударив жезлом об пол, возвестил о прибытии высокородной графини Ангус и ее кузена, благородного лорда Роберта Дугласа Лохливленского.

В зале наступила неожиданная тишина. Даже король перестал смеяться, а музыка на хорах умолкла. И в этом мертвенном молчании в зал вступила бледная леди Марджори Дуглас, которую вел ее кузен, держа за самые кончики пальцев.

Графиня была одета с редкостной для Шотландии роскошью – в синее узкое платье, поверх которого блистало парчой обшитое горностаем сюрко[18 -

Сюрко – вид верхней одежды: платье без рукавов с очень низкой проймой, чтобы можно было видеть нижнее одеяние.]. Ее высокий раздвоенный эннен[19 - Эннен – средневековый головной убор.] был также опущен горностаем и богато украшен драгоценными камнями. Она выглядела восхитительно, несмотря на понурый вид и тени под глазами. Бекингом невольно подумал, что ради этой женщины стоит драться. А то, что драться придется, он понял, едва взглянув на Роберта Дугласа.

Графиня присела перед королем в глубоком реверансе – и сейчас же принцесса Маргарита протянула ей руку и усадила рядом с собой.

Внезапно граф Мар, подавив пьяную икоту, воскликнул:

– Эта леди всегда появляется с опозданием! И сей факт порой имеет скверные последствия.

Графиня бросила на младшего принца испуганный взгляд, при этом у нее был такой несчастный вид, что даже Бекингом покосился на графа Мара с негодованием.

Роберт Дуглас остался стоять посреди зала прямо перед королем.

– Ваше величество, я и моя кузина прибыли сюда, несмотря на буйство стихии. И если мы и опоздали, это еще не повод, чтобы наносить оскорбления графине Ангус.

Король встал и, разом стряхнув хмельную одурь, медленно произнес:

– Клянусь своей короной и гербом предков, я рад приветствовать Дугласов в замке Линлитгоу. Но если есть причины для недовольства, я готов выслушать вас и защитить прекрасную графиню.

Лорд Лохливен низко поклонился.

– Благодарю, мой король. Но у графини уже есть заступник в моем лице, и с вашего разрешения я должен бросить вызов обидчику.

Повернувшись в сторону Бекингема, он торжественно произнес:

– Я вызываю тебя, английский пес, и готов с оружием в руках доказать, что ты низкий насильник и негодяй.

Прежде чем Генри успел подумать, что делает, он уже перемахнул через стол и стоял, выпрямив спину, лицом к лицу с молодым Дугласом.

– Клянусь святым Георгием, что готов мечом загнать обратно в твою глотку оскорбление и на деле постоять за честь графини Ангус, ибо твое обвинение в насилии пятнает честь благородной дамы. Видит Бог, между мною и леди Марджори не произошло ничего подобного тому, на что намекают твои грязные уста.

Графиня вскрикнула и закрыла лицо руками. Лохливен побагровел, ибо из слов Генри следовало, что не он, а именно Бекингом выступил защитником чести его невестки. В ярости сорвав перчатку, он швырнул ее герцогу, но тот ловко поймал ее, подержал мгновение на весу и, разжав пальцы, небрежно уронил на пол. Даже в минуту опасности Генри не мог не покрасоваться. Он глядел на разъяренного Роберта Дугласа с улыбкой.

– Я вижу, вы пришли в пиршественный зал с мечом. Следует ли мне послать оруженосца за оружием?

– Да! И клянусь святой Бригиттой Дугласской, мы будем сражаться здесь и сию же минуту.

Неожиданно поднялся безмолвствовавший до этого епископ Аберунский и громогласно заявил, что вдвойне грешно учинять кровопролитие в святой праздник Рождества, когда на всей земле царит Господне перемирие. Епископа с готовностью поддержал Олбэни:

– Не следует, подобно простолюдинам в таверне, тотчас хвататься за оружие. Как опоясанные рыцари, вы должны сражаться на утопанной земле в полном воинском облачении и при свете дня.

Однако прибывшие вместе с Лохливленом люди Дугласа поддержали своего лорда, а к ним присоединились и воины из пограничных кланов Хьюмов и Гепбурнов, у которых одно упоминание имени покровителя англичан святого Георгия возбуждало воинственный пыл. К тому же горцы, до этого державшиеся на удивление спокойно, несмотря на изрядное количество выпитого вина и эля, начали что-то выкрикивать по-гэльски, топая ногами и перемежая слова боевыми кличами.

Последнее слово оставалось за королем. И внезапно обычно робкий и нерешительный Яков III ухмыльнулся, потер руки и благословил поединок. Герцог Олбэни стремительно повернулся к нему и что-то негромко сказал, но король лишь указал на шумную толпу, словно призывая ее в свидетели, что в этом случае он ничего не в силах предпринять.

Генри Стаффорд и сам вдруг ощутил в крови бойцовский жар. Его страх и волнение вмиг улетучились, и он приказал Баннастеру отправляться за оружием. Вместе с тем он не преминул заметить, что обычно холодные и безучастные ко всему шотландские леди поглядывают на него с сочувствием, и это подтолкнуло его сделать еще один безрассудный шаг. Сорвав с головы роскошную шляпу, он бросил ее Гуго Дредверду, а затем расстегнул и стащил через голову свой ослепительный камзол, оставшись в одной рубашке. При этом он лукаво поглядывал на Лохливена.

– Какого дьявола! – выругался тот. – Что ты строишь из себя шута, англичанин?

– А разве вы не последуете моему примеру? Нам придется сражаться легкими мечами, так зачем же связывать свои движения? Или ваша прекрасная дама не дала вам своей рубашки для турнира?[20 - По старинной легенде, дама, проверяя чувства своего избранника, потребовала от него сражаться без доспехов, только в подаренной ею рубашке.]

Тут и король потребовал, чтобы Дуглас разоблачился, и Бекингом послал этому равнодушному к дамам монарху галантный воздушный поцелуй. Когда же он вновь взглянул на своего соперника, то едва не расхохотался. В зале послышался возмущенный гул. Оказалось, что у шотландца под камзолом надета легкая кольчуга. Лохливен, перехватив устремленный на него насмешливый взгляд Бекингема, в бешенстве вскричал:

– Мы, Дугласы, даже спать предпочитаем в кольчугах!

– Как же, как же, – закивал Генри, подбадриваемый летевшими со всех сторон смешками.

Он отметил, что этот инцидент прибавил ему сторонников, и невольно покосился туда, где находилась Марджори Дуглас. Графиня сидела, не поднимая глаз, и щеки ее горели темным румянцем. Принцесса Маргарита склонилась к ней, участливо держа ее руки в своих.

Между тем по приказу короля в зал внесли множество факелов, в камин подбросили буковых поленьев, а когда были окончательно оговорены условия поединка и присутствующие расселись по местам, противники двинулись навстречу друг другу. В руках они держали облегченные длинные мечи, клинки которых были немного шире шпаг, чтобы противники могли фехтовать ими, колоть и рубить одновременно.

Генри с насмешливой улыбкой ждал Лохливена.

Дважды поставив шотландца в глупое положение, он испытывал нечто вроде торжества. О том, что с минуты на минуту может расстаться с жизнью, Генри старался не думать. Подобные мысли излишни перед схваткой. А поскольку сегодня он уже исповедался и причастился и с тех пор не успел много нагрешить, ему не так уж и страшно было предстать перед Творцом.

Взбешенный улыбкой англичанина, Лохливен напал первым. Генри уклонился и отступил. Он надеялся измотать противника, а заодно и присмотреться к его фехтовальным приемам. В том, что Роберт Дуглас отличный мастер и рука его тверда, он убедился весьма скоро, когда шотландец потеснил его через весь зал, едва не загнав в угол между столами. Вскоре Генри понял, что одной обороной не обойтись. К тому же шотландец действовал с такой ловкостью и проворством, что Бекингем убрал с лица улыбку. Клинок Лохливена мелькал с неистовой быстротой, отражая желтый свет факелов, и герцог едва успевал уклоняться. Удары были сильные, имеющие лишь одну цель – убить.

Генри стало жарко, пот заливал глаза, но не было ни единого мгновения, чтобы передохнуть. Краем уха он еще различал гул голосов в зале, но был так сосредоточен на схватке, что не мог понять, кого подбадривают зрители.

И вновь Лохливен загнал англичанина в угол, на этот раз в противоположном конце зала, между скамьями и стеной, где толпилась стайка пажей, испуганно метнувшаяся прочь, когда сражающиеся приблизились. Бекингом чувствовал себя неловко в этой тесной щели. Неожиданно он ощутил, как правую руку словно опалило огнем, и впервые за время боя Дуглас отступил на шаг, словно желая полюбоваться своей работой. Правая рука Генри была раскрыта от плеча до локтя, и кровь потекла с пугающей быстротой, вмиг окрасив клочья батистовой сорочки. Бекингом согнул и разогнул руку, пробуя, сможет ли продолжать действовать ею, – рука двигалась, но кровь хлестала потоком. «Если я не убью его в ближайшие минуты, я ослабею от потери крови, рука онемеет и он прикончит меня так же легко, как кухарка каплуна», – подумал он.

В животе липким ознобом зашевелился страх. Бекингом потрянул головой, откидывая слипшиеся пряди волос, и бросился на Лохливена. И вновь, слепя, засверкала сталь. Шотландец не желал поддаваться и вскоре опять перешел в наступление. Бекингом, экономя силы, попробовал отклониться, не отвечая на удары, а в следующую минуту напал сам. Страшный удар. Еще один. Боль в руке пульсировала и обжигала. Мышцы стали неметь. Звон и лязг мечей, молниеносное мелькание клинков. Неожиданно мечи скрестились, гарды у рукоятей стукнулись одна о другую, и лица противников оказались рядом, мокрые, побагровевшие. И в этот миг Лохливен вдруг с силой сжал раненую руку Генри. Англичанин вскрикнул и, чудом отбив меч Дугласа, сделал резкое скользящее движение. Лохливен охнул и отпрыгнул, изогнувшись. Глубокая резаная рана тянулась от его ключицы через грудь и вдоль ребер. Рубаха шотландца повисла клочьями, обнажив тело, по которому темными потоками текла кровь.

Генри, тяжело дыша, смотрел на противника. В пылу сражения он не мог определить, насколько серьезна нанесенная им рана. Однако Лохливен вдруг выпрямился и с яростным кличем ринулся вперед.

Теперь оба истекали кровью и задыхались от усталости. Шотландец спотыкался, англичанин все чаще уворачивался от ударов, но, когда их мечи вновь скрестились, Дуглас, рванув на себя гарду, сумел выбить у Генри клинок. Звеня, меч покотился по плитам пола.

Герцог устало смотрел на противника. Тот горячо дышал, но все еще медлил с ударом.

– Ступай, подними меч! Я не хочу убивать безоружного.

Герцог поблагодарил кивком, поднял оружие и переложил его в левую руку. Ею он фехтовал куда слабее, чем правой, но правая уже отказывалась служить ему.

И вновь зазвенели клинки. Однако теперь бой продолжался недолго. То ли Дугласу не с руки было сражаться с противником-левшой, то ли он серьезно ослабел от потери крови, но он стал ошибаться, и это приободрило герцога. И когда после очередного удара шотландца тот подставил ему незащищенный бок, Генри улучил момент и нанес быстрый колющий удар.

Лохливен не успел перехватить его. Клинок вошел между ребер под правой рукой и вышел из спины. Бекингом даже успел почувствовать, как острие царапает кость, ища выход. Шотландец охнул, оглянулся через плечо и стал оседать, сползая с клинка. Бекингом глядел на него как замороженный. В зале вдруг стало удивительно тихо, лишь снег и ветер по-прежнему били в стекла.

Бекингом во весь голос выругался:

– Дьявол и преисподняя! Пошлите скорее за лекарем! Вы что, не видите, что он еще жив?

Поднялся невообразимый шум. Забегали, засуетились пажы и лакеи. Сквозь толпу пробралась Марджори Дуглас и склонилась над раненым. Кто-то взял Генри за здоровую руку и повел его прочь. Он едва узнал Олбэни.

– Идемте! Идемте же!

Неожиданно им загородил дорогу рослый горец, что-то говоривший по-гэльски. Олбэни с раздражением перевел:

– Это вождь клана Кухил Родрик Мак-Кей. Он выражает свое восхищение и говорит, что воин, который сражается в одной рубашке и убивает противника левой рукой, достоин великой славы.

– Но я не убил его... Он ранен... – устало пробормотал Генри, но Олбэни уже тащил его дальше.

– Быстрее! Вас надо перевязать. Не упирайтесь. Ваш Дуглас теперь в надежных руках.

Длинный сводчатый коридор замка насквозь продувался сквозняками, с посвистом теребя чахлые огни светильников на стенах. Но разгоряченному Генри эта стылая прохлада сейчас была приятна, и он с наслаждением вдыхал чистый воздух. В нишах длинных переходов попадались рослые стражники в надетых поверх доспехов туниках цветов дома Стюартов.

Олбэни провел англичанина в свои покои, вызвал лекаря и подождал, пока тот стянет края раны и наложит повязку. После этого он протянул герцогу оправленный в серебро рог с подогретым вином.

– Выпейте, вам необходимо подкрепиться.

Он подождал, пока щеки герцога окрасятся румянцем, и снова потребовал, чтобы тот без малейшего промедления уезжал.

– Какого дьявола! – вспыхнул Генри. – Разве я не доказал с мечом в руках, что могу устоять против Дугласа?

– Сэр, все ваши заслуги состоят в том, что вы покушались на честь графини Марджори и ранили Дугласа Лохливенского. По законам клана Дугласов вы вдвойне заслуживаете смерти. Люди графа Ангуса уже послали к нему гонца в Эдинбург. И если сэр Арчибальд Дуглас не сможет из-за увечья явиться сам, я не сомневаюсь, какой приказ получат его родичи и слуги в Линлитгоу.

– Милорд Олбэни, не кажется ли вам, что вы сгущаете краски? Дугласы старинный род, и все они – опоясанные рыцари. Вы же представляете их как диких горцев, только и помышляющих о крови.

Александр Стюарт, герцог Олбэни, приоткрыл дверь своих покоев и постоял какое-то время, прислушиваясь. Затем вернулся на прежнее место и, не глядя на Бекингема, заговорил:

– Дугласы – один из древнейших родов Шотландии. Ни Рэндольфы, ни Драммонды, ни Гамильтоны никогда не имели такого влияния, как это

семейство. И ни один другой род так не славится своей кровожадностью и жестокостью. Предок нынешнего графа Ангуса Уильям Дуглас Геллоуэйский уморил голодом в своем замке Эрмитедж лорда Рэмзи только за то, что лорд получил из рук короля должность, на которую метил сам Дуглас. Еще один из Дугласов, также Арчибальд, казнил своего пленника Мак-Лелана во дворе замка, сразу после того, как к нему прибыл посланец короля Патрик Грэй с просьбой о помиловании его родственника. Причем Арчибальд Дуглас потчевал сэра Патрика ужином в то время, когда Мак-Лелану отсекали голову, а затем распорядился подать ее на золоченом блюде, когда стали сервировать десерт. Вы сами видите, жестокость Дугласов не знает пределов, особенно когда им кажется, что задета их честь. В этом случае даже покровительница рода святая Бригитта не в силах остановить их мечи. Поэтому, если вы не поспешите скрыться, ваша жизнь не будет стоить ни грота[21 - Грот - шотландская серебряная монета достоинством четыре пенса.].

- Бог мой, милорд Олбэни, уж не хотите ли вы меня снова напугать?

- Нет. Но я хочу, чтобы вы были благоразумны. Я говорю вам все это не из какой-то особой симпатии, а потому, что вы мне нужны. Так что не обольщайтесь. Добавлю только, что если вы сегодня смогли устоять против львенка Дугласов, то не стремитесь оказаться в когтях льва.

- Но ведь я посол английского короля! Ваш государь покрывает себя несмываемым позором, если позволит Дугласам...

- Сэр Генри! Вы начинаете меня утомлять. И я последний раз говорю вам: уезжайте. Ибо мой братец Яков и пальцем не пошевелит, чтобы удержать свору Дугласов.

Бекингем медленно допил вино и опрокинул рог.

- Чем же я так не угодил королю Якову?..

- А кто говорит, что вы не угодили именно королю Якову?

Олбэни даже хихикнул и хитро прищурил глаза. Казалось, ему доставляет удовольствие видеть, как меняется лицо его английского гостя. Тот явно все понял, хотя поначалу и выглядел растерянным. Перехватив взгляд Олбэни, он

скупо усмехнулся.

– Клянусь благостным небом, мне никогда не пришло бы в голову, что Эдуард Йорк может так возненавидеть потомка Плантагенетов из-за какой-то низкородной шлюхи...

Олбэни покачал головой.

– Если вы, лорд Стаффорд, когда-нибудь до срока лишитесь жизни, то это наверняка произойдет из-за женщины. Ну что же, вы решились? Здесь в прихожей околачивается этот ваш оруженосец, как его – Бан... Бан...

– Баннастер. Ральф Баннастер.

– Ну да. Коль вы согласны, я немедленно пошлю его в кордегардию собрать ваших лучников. Я же дам вам охранную грамоту и хорошего проводника, который доставит вас к границе.

Генри вскинулся.

– К границе? Вы имели в виду границу с Англией?

– Да. После всего, что произошло, вам опасно оставаться где-либо в Шотландии. Поэтому я считаю, что вашей дипломатической миссии пришел конец.

Какое-то мгновение Генри глядел на Олбэни, а потом его индигово-синие глаза весело блеснули, на смуглом лице ослепительно засияли белоснежные зубы. В улыбке герцога было что-то задорно-мальчишеское. Непривлекательный Олбэни ощутил невольную досаду. Уж слишком хорош собой этот самоуверенный англичанин.

– Итак?

– Ваша светлость, если бы несколько часов назад вместо Стерлинга вы указали мне дорогу к границе, я уже был бы в пути. Я еду!..

Четверть часа спустя, когда Баннастер отправился поднимать лучников, Генри прошел к себе, чтобы велеть Гуго собраться, а также чтобы переодеться в дорогу и захватить драгоценности. Двигаясь ледяными переходами замка, он дрожал от озноба, ибо по-прежнему оставался в одной изодранной окровавленной рубахе, но теперь его правая рука была туго перевязана и покоилась на шелковой ленте. Локтем здоровой руки он прижимал к себе меч, одновременно придерживая у ворота короткую накидку, которую дал ему Олбэни.

Внезапно герцог остановился у поворота – что-то показалось ему необычным. И действительно – гранитный коридор был совершенно пуст. Ни гвардейцев, ни стражников в нишах. Тишина, трепет пламени факелов, вой ветра.

Генри стало не по себе. Безусловно, пир уже завершился, в замке все спят, однако это вовсе не означает, что должна спать и стража, особенно когда в замке столько гостей, многие из которых вовсе не испытывают друг к другу приязни. На минуту Бекингом пожалел, что не попросил у Олбэни охрану, хотя и был готов скорее откусить себе язык, чем показать, что ему жутковато.

В проходе слышались шаги, и он невольно попятился, когда дорогу ему преградили три массивные фигуры. Правда, уже в следующий миг он облегченно вздохнул, заметив, что все они в килтах. Слава Богу! Дугласы не щеголяют голыми коленками. Перед ним горцы. Когда же они подошли ближе и свет факела озарил их, Генри узнал в одном из светловолосых великанов вождя клана Родрика Мак-Кея. Как и после поединка, Родрик шагнул к нему и приятельски хлопнул по плечу. Удар пришелся справа, и герцог едва не взвыл от боли. Горец заговорил по-гэльски, и Бекингом, ни слова не понимая, дружески закивал и попытался, проскользнув вдоль стены, миновать своих диких поклонников.

В это время по боковой лестнице спустился еще какой-то воин, и по цветам его плаща и гербу, вышитому у плеча, Бекингом понял, что он принадлежит к роду Дугласов. Едва завидев беседующего с горцами англичанина, воин остановился как вкопанный, и Генри готов был поклясться, что лицо его выражает крайнюю степень изумления. Обратившись к горцам, он что-то недоуменно спросил, и Генри, за время пребывания в Шотландии научившемуся отчасти понимать шотландский говор, показалось, что тот поинтересовался, куда девалась шляпа герцога Бекингема. Что за чушь?

Генри озадаченно взглянул на воина, но продолжения не последовало, ибо все звуки перекрывал могучий бас вождя горцев. Однако, когда и Родрик, и сопровождающие воины разом повернулись в его сторону, Дуглас без промедления ретировался. Бекингом же подумал, что сейчас, когда ему угрожает опасность, не стоит разлучаться с этими воинственными гигантами. Поэтому он любезно подхватил Мак-Кея под руку и, бормоча всякий учтивый вздор по-английски, стал подниматься вместе с ним по лестнице.

Так они достигли дверей покоев герцога. В коридорах по-прежнему было пустынно. Когда Генри стал прощаться с Мак-Кеем, тот вдруг серьезно взглянул на него и жестом велел своим спутникам остаться у покоев англичанина. Генри с невольным уважением проводил взглядом удаляющуюся могучую фигуру. Этот дикий горец раньше его догадался, как небезопасно сейчас находиться в Линлитгоу.

Он вошел в свои комнаты.

– Гуго, паршивец, экого холоду ты напустил! Просыпайся, мы немедленно должны ехать!

Длинная узкая комната была едва освещена тлеющими в жаровне углями. В сгустившейся темноте герцог не сразу разглядел сидящего в кресле оруженосца.

– Гуго, проснись! Не надо было так налегать на этот гнусный гленливат! [22 - Гленливат – шотландская водка.] Даже горцы предпочитают ему французские вина. И, черт побери, ты все-таки напялил мою шляпу!

Генри сбросил свои узконосые туфли, натянул сапоги для верховой езды с голенищами выше колен, когда же он взялся надевать чистую рубаху, ему пришлось вновь окликнуть оруженосца – перевязанная рука плохо двигалась и причиняла неудобства.

Внезапно ему стало не по себе. В неподвижности Гуго Дредверда было что-то жуткое.

Генри нарочито медленно застегнул манжеты, затянул шнуровку у ворота и круто повернулся. При свете жаровни были видны неестественно вытянутые

ноги оруженосца, его неподвижно лежащие на резных подлокотниках руки, тускло мерцал золотистый парчовый тюрбан, перевитый алмазными нитями. Тюрбан был смят, голова поникла. Герцог ощутил тошнотворный сладковатый запах крови.

- Гуго!

Он коснулся плеча оруженосца, и тело юноши немного осело, голова качнулась. Медленно, стараясь унять дрожь, Бекингом зажег от угольев сосновую ветку и осветил лицо Гуго. Белый колет был покрыт темными каплями крови, а руки юноши оказались прикрученными веревками к подлокотникам кресла.

- Но зачем?.. - почему-то шепотом спросил герцог и приподнял за подбородок голову юноши. Смолистая ветка затрещала, рассыпала искры и стала гаснуть. И все же Генри успел увидеть то, что ему предстояло запомнить надолго.

Рот оруженосца был забит кляпом, но так странно оскален, что виднелись зубы, сжимавшие тряпку. Вдоль носа из-под шляпы тянулись темные полосы крови, и при неясном свете лицо юноши казалось изрезанным трещинами. На лице Гуго застыла маска невыразимой муки, а широко открытые, но уже остекленевшие глаза выражали безысходное страдание. В этом лице не было той умиротворенности, которую обычно придает смерть.

- Бедняга Гуго! - мягко проговорил Генри, коснувшись щеки юноши. Она была мягкой, и на пальцах Бекингема остался след крови. Он отнял руку, и голова Гуго безжизненно повисла, слабо сверкнули алмазы на смятой шляпе. Только теперь Генри заметил, что в этой белой шелковой одежде и в тюрбане из парчи оруженосца в темноте легко можно было принять за самого Бекингема.

Герцога пронзил такой леденящий ужас, словно он вдруг увидел свой собственный труп. В памяти всплыли слова Олбэни: «Ваша жизнь здесь не стоит и грота». Грота? Его жизнь Дугласы оценили ниже пенса. В том, что Гуго убит по ошибке, Бекингом уже не сомневался. Он вспомнил изумленного воина Дугласов на лестнице, его нелепый вопрос о шляпе. Проклятая шляпа! Гуго так не терпелось пощеголять в ней сегодня...

Бог весть почему, Генри захотелось снять с него этот злополучный головной убор. Однако он не смог этого сделать. Он потянул с силой, но скомканный

тюрбан не поддавался, тело юноши наклонилось вперед, словно не желая расставаться со шляпой. Внезапно в ворохе парчовых складок и рассыпающихся алмазных нитей пальцы герцога нащупали на темени мертвеца нечто твердое и холодное. Пытаясь понять, что бы это могло быть, он пошарил еще – и волна дурноты едва не свалила его с ног. Это были шляпки гвоздей – огромных кованых латунных гвоздей.

Генри отпрянул так резко, что едва не опрокинул жаровню. Его била дрожь, и несколько минут он не мог опомниться. Придя в себя, герцог кинулся к ларю и стал торопливо одеваться. Боль в руке немного отрезвила его. В нем поднималась неукротимая ярость. Как они посмели, эти немытые варвары!

Теперь он уже не думал о себе, перед ним стоял юный Гуго, стройный юноша из Уэльса, единственный отпрыск рода Дредвердов, которого он увез из родового гнезда, сделал своим оруженосцем и полюбил за веселый и незлобивый нрав. Как сможет он вернуться в Уэльс, как сможет поведать леди Дредверд о том, какой мучительной смертью погиб ее мальчик?!

Он вдруг схватился за меч и, не помня себя, опрометью выскочил из покоев.

– Эй, Дугласы, шелудивые псы! – закричал он вне себя от бешенства. – Я здесь, я все еще жив! И я еще отведаю вашей крови!

Оба шотландских горца, стоявших на страже, изумленно взглянули на него, но, обнаружив, что в руках герцога оружие, тоже обнажили клинки и кинулись следом за англичанином.

Герцог несся как безумный, пока нос к носу не столкнулся с людьми Дугласа. Он тотчас узнал их по вышитому на плече гербу, к тому же лица некоторых из них уже успели ему примелькаться. В эту минуту Генри был в таком состоянии, что уже не думал об осторожности.

– Что, жалкие душонки? Вы тоже считаете себя Дугласами? Но вы всего лишь ничтожные гилли[23 - Гилли – мужская прислуга в Северной Шотландии.], нацепившие на плечо знак Плающего сердца[24 - Герб Черных Дугласов. После их разгрома этот знак носили также и некоторые из Ангусов.]. Вы убили мальчишку, как грязные палачи, и должны носить не герб своего хозяина, а кожаные передники живодеров!

Место, где они столкнулись, оказалось площадкой на пересечении коридоров, и, когда Бекингом замахнулся мечом, Дугласы, отступив, мгновенно выхватили оружие. Генри с хохотом обернул плащ вокруг левой руки, чтобы защититься от ударов, а правой, забыв о ране, перехватил меч. Он видел, что вокруг слишком много клинков, чтобы выжить, но, как всегда в минуту опасности, был полон зловещего веселья.

И тут один из сопровождавших его горцев издал пронзительный клич Мак-Кеев. Второй подхватил, и оба, продолжая неистово вопить, ринулись на людей Дугласа.

Они стояли втроем, спиной к стене, и яростно отбивались при чадном свете факела. Лязг мечей в пустынных переходах казался оглушительным. Бекингема ранили в ногу, и он, смеясь, воскликнул, что ниже пояса наносит удары лишь трус, и сейчас же поразил в горло своего противника. Оба горца бились молча, с упорством защищая того, кого вверил им глава их клана. Но вскоре до Бекингема донеслись крики, шум и дикие завывания, к которым тотчас присоединились и оба его товарища. Отовсюду неся боевой клич Мак-Кеев, по коридорам спешили длинноволосые горцы в килтах и черно-красных клетчатых пледах. От их воплей закладывало уши. Однако этот воинственный зов разбудил и их исконных врагов – Мак-Ферсонов и Мак-Интошей. И хотя люди Дугласа вынуждены были отступить под натиском Мак-Кеев, взявших под свое покровительство англичанина, они вновь воспрянули духом, когда в переходах замаячили зеленые и светло-серые пледы. Подоспевшие Мак-Интоши сразу же приняли сторону Дугласов. Люди Родрика Мак-Кея неожиданно оказались в меньшинстве. Показавшиеся было королевские гвардейцы уже ничего не могли поделать, и на их крики, призывающие к миру и порядку, никто не обращал внимания.

У Генри Стаффорда открылась и кровоточила рана на руке, и он сильно хромал. Но, тем не менее, перехватив меч левой рукой, он сражался из последних сил, выискивая среди пестрых пледов плащи с гербом Дугласов на плече. И когда кто-то потащил его в боковой проход, он едва не набросился на этого человека с мечом. Впрочем, герцог Олбэни охладил его пыл коротким ударом в челюсть, но еще несколько минут ему пришлось трясти Бекингема, пока Генри не начал соображать, что к чему.

Он увидел себя сидящим на лестнице в какой-то тесной башенке, а снизу и слева слышались грозные выкрики и лязг сшибающихся мечей.

– Ты сию же минуту уберешься из Линлитгоу, Генри, – грозно произнес Олбэни. – Клянусь святым Эндрью, мне осточертела роль твоего ангела-хранителя. Чего ради, если ты сам все время стремишься отправиться в преисподнюю?

– Какого дьявола, Стюарт! – рванулся англичанин. – Мак-Кеи встали на мою защиту, и я не брошу их! Я сейчас же кликну своих людей, и мы постоим за славного Родрика и его парней.

– Генри, твои люди перебиты Дугласами все до единого. Твой Бан... Бан... тьфу, твой оруженосец только что доложил мне об этом. Сейчас он ожидает тебя в конюшне с оседланными лошадьми, проводником и охранной грамотой. И если ты не прочь когда-нибудь еще поохотиться в английских лесах, тебе следует немедленно делать ноги отсюда.

Бекингом с трудом поднялся.

– Но я не могу, Александр. Я готов скорее умереть, чем оставить Мак-Кеев на произвол судьбы.

– Силы небесные! Где видано, чтобы англичанин торопился сложить голову за шотландцев? И это говорит потомок Плантагенетов! Уезжай, Генри Стаффорд. Этим гэльцам не привыкать сражаться. И если они не истребят друг друга, то скоро разойдутся. Знаешь их поговорку: «Cogan na schie!»[25 - Мир или война – все равно! (гэльск.)]? Так и случится, ибо в замке Линлитгоу им сражаться не так вольготно, как среди скал или на Терновом Болоте. Вам же, сэр «Вспоминай меня часто», Яков Стюарт никогда не забудет того, что вы учинили в Рождественскую ночь в его замке. Как он радовался, что наконец удалось примирить эти кланы! И Господь свидетель, если вы не покинете Линлитгоу или вас не прикончат Дугласы, то уж мой августейший братец позаботится о том, чтобы следующую ночь вы провели в Толбутской тюрьме, будь вы хоть трижды посол и четырежды англичанин.

Олбэни был зол так, что его просто трясло. Лицо его исказилось судорогой, оттопыренные уши вздрагивали. Подумать только, он столько сил потратил, чтобы приручить безмозглого Стаффорда, а теперь из-за безрассудства этого

молодца все готово рухнуть! Поэтому он лишь хмуро кивнул, когда Бекингом наконец смирился и искренне пожал ему руку, поблагодарив за хлопоты.

Олбэни провел его через боковой ход к лестнице, ведущей во внутренний двор, и выругался вслед, глядя, как англичанин, прихрамывая и насвистывая, заковылял вниз по ступеням.

«А еще говорят, что самые легкомысленные люди на свете – французы! Видит Господь, они просто не знают Стаффордов из Уэльса. По крайней мере, этого Стаффорда».

Он еще постоял у бойницы, вслушиваясь в завывание ветра, пока не уловил сквозь шум непогоды лязг цепей и глухой звук опускаемого моста. Сегодня у привратников беспокойная ночь – то полночи Дугласы мотались туда-сюда, теперь уезжает английский посол. Дай-то Бог, чтобы они не разглядели, кто это, иначе те же Дугласы скоро опомнятся и начнут травлю зверя.

Новый порыв ветра ударил в заснеженный проем, и Олбэни до самых ушей поднял меховое плечье камзола. И только сейчас разглядел, что на дворе уже вовсе не такой непроницаемый мрак.

Рождественская ночь заканчивалась.

2. Мелроз

То, что дорога будет тяжелой, Генри понял, едва выйдя во двор: приходилось брести, увязая по колени в снегу и сгибаясь под дикими порывами ветра. Он вздохнул облегченно, только когда перед ним открылись двери конюшни и оттуда шибануло кисловато-теплым запахом. Отряхивая снег, герцог вступил под ее сводчатый портал и плотно закрыл за собой дверь. Откуда-то возник Ральф Баннастер.

– Святые угодники! Милорд, я уже не надеялся увидеть вас живым! Конюхи сказали, что Дугласы ни за что не выпустят вас. И я... Ох, милорд! Видели бы вы то, что довелось увидеть мне. Все наши ребята изрублены, и там столько крови,

что под ногами хлюпает!

По круглому лоснящемуся лицу оруженосца текли слезы.

– Я видел кое-что похуже, – мрачно буркнул герцог и, прихрамывая, направился в глубь конюшни.

– О сэр Генри, ваша нога... Ее следует немедленно перевязать.

В это время к ним подошел закутанный в плащ шотландец и возразил, что сейчас некогда этим заниматься, и чем скорее они покинут замок, тем больше надежды на то, что они спасутся. С этими словами он протянул герцогу охранную грамоту. Генри понял, что это и есть обещанный проводник, и послушно последовал за ним. Однако через миг он уже разразился ругательствами:

– Дьявол, и еще раз дьявол! Это не моя лошадь! Ральф, что здесь происходит?

Ральф развел руками и указал на проводника. Тот пояснил:

– Герцог Олбэни велел предоставить вам именно этих лошадей. Ваши испанские кони долго не выдержат в этакую вьюгу, да еще по бездорожью. Маленькие гэллоуэйские лошадки лучше годятся для такого пути, а герцог Олбэни обещал вернуть вам ваших лошадей, едва только представится возможность.

Генри не очень в это поверил. Олбэни давно зарился на его гнедого испанского жеребца, однако герцог не стал спорить, а покорно взгромоздился на бурую косматую лошаденку. Раненая нога болела, и при каждом движении из раны выступала кровь. К тому же кровила и рана на руке. Бекингему было не до того, чтобы прикидывать, как нелепо выглядит его рослая фигура на кургузой лошадке.

Под косыми закручивающимися вихрями снега они пересекли двор и, предъявив грамоту, приказали стражникам пропустить их за ворота. Здесь дорога сразу пошла под уклон. В стороне мелькнула кипящая вода озера, и герцогу, кутающемуся в плащ, показалось невероятным, что оно до сих пор не замерзло.

Они миновали селение у холма, где даже собаки не лаяли, спрятавшись от холода. Брезжил рассвет, но нигде не было ни огонька. После Рождественской ночи люди не торопились браться за привычные дела и старались подольше оставаться в теплой постели. На повороте дороги герцог оглянулся через плечо на исчезающую в сумраке громаду замка Линлитгоу и невольно пробормотал слова благодарственной молитвы.

Вскоре он понял, что Олбэни был прав, посадив их на этих лохматых лошадок. Взрывая мускулистыми ногами снег, они бежали и бежали, словно не зная усталости, зато сам Генри чувствовал себя все хуже и хуже. Он терял все больше крови и слабел. Когда они снова проезжали через какое-то селение, он окликнул проводника и сказал, что ему необходима перевязка. Шотландец что-то ответил, но ветер унес его слова, и они продолжали в прежнем темпе вести счет милям. Генри счел унижительным для своего достоинства вновь обращаться с просьбой к слуге.

С рассветом ветер немного утих, но снег сыпал по-прежнему, застилая все вокруг пухлой белой пеленой. Генри был словно в тумане от усталости и боли и не замечал, как и куда они едут, предоставив своей лошади бежать, как ей хотелось. Но когда наконец близ какого-то монастыря они сделали привал, герцог почувствовал, что не может сойти с седла.

В воздухе плавал колокольный звон, повсюду виднелись укутанные до самых глаз фигурки людей, направлявшихся к торжественной заутрене. Вблизи жилья витали запахи праздничных блюд, но герцог так ослабел, что даже мысль о еде вызывала у него отвращение. Опираясь на плечо Баннастера, он вошел под своды монастырской прихожей, где в камине пылал огонь и было так тепло и тихо, что это место казалось сущим раем. Откуда-то долетало пение монахов, на скамье в углу жались нищие в отрепьях, которых монахи приютили на время ненастья. Нищие с жадностью подчищали миски с бобами и беконом, которыми побаловали их в это праздничное утро святые отцы.

Баннастер бережно усадил своего господина поближе к огню, проводник же отправился искать брата-лекаря. И герцог, и его оруженосец молчали, ибо шотландец сказал, что выговор тотчас выдаст их с головой.

Вскоре появился монах-врачеватель. Он осторожно разрезал набухшую от крови штанину герцога и запричитал, качая выбритой головой:

– Господи, прости своих грешных чад, ибо творят бесчинства даже в праздник светлого Рождества!

Генри молчал. Его лихорадило, и вновь начало нестерпимо ломить виски. После того как монах тщательно обработал и зашил рану на ноге и перебинтовал руку, Бекингем на какое-то время почувствовал себя совсем разбитым. Казалось немыслимым, что опять придется сесть в седло и продолжать путь. Брат-прислужник принес им поесть, проводник и Ральф с жадностью набросились на еду, Генри же едва заставил себя проглотить несколько кусков. Зато он выпил много подогретого вина с корицей, это несколько приободрило его, и он попросил еще. Монах внимательно взгляделся:

– Вы, я вижу, англичанин, сын мой?

Генри кивнул. Не было смысла отрицать, и он лишь пожал плечами под осуждающим взглядом проводника.

Весь остаток дня они двигались без остановок. Проводник твердил, что теперь люди Дугласа непременно проведут, по какому пути они направились, и будет лучше, если беглецы успеют оказаться как можно дальше. Генри кивнул, хотя и не понимал, как их смогут отыскать, ведь они ускакали уже далеко. К тому же он вновь стал чувствовать себя скверно, навалилась слабость, его лихорадило, дыхание обжигало огнем, а когда он кашлял, в груди ворочалась боль.

Снег все валил. У Генри кружилась голова от нескончаемого круговорота метели, и он предпочел не смотреть по сторонам. Опустив капюшон на лицо, он угрюмо глядел на дорогу перед собой, понуро сидя на своей неутомимой лошадке. Все кости его ломило, в спине покалывало, грудь жгло огнем. Раненая нога онемела, и он с трудом правил конем одной рукой.

Ральф Баннастер несколько раз оглядывался.

– Что с вами, милорд? Вы все время отстаете.

Но Генри отвечал, что он немного утомлен, ни за что не желая признаться, что почти готов свалиться на дорогу.

Видя состояние своего патрона, Ральф хотел было сделать привал, но проводник заявил, что, согласно указаниям милорда Олбэни, они должны ехать непрерывно, пока не достигнут границы.

Снегопад не прекращался. Дорогу замело, и порой лошади проваливались в снег по брюхо. Их путь теперь лежал среди заснеженных Мурфутских холмов, и они то оказывались в защищенной от ветра узкой долине, то вновь поднимались на отполированные ветрами вершины. Когда им встречались заставы на дорогах, стражники нехотя покидали свои теплые сторожки, где пылал огонь и слышались звуки волынки, чтобы взглянуть, кто едет, и принять у путников дорожную пошлину.

Селения, через которые они проезжали, были пустынные, и хотя колокола звонили по-праздничному, не было обычной шумной толпы гуляк, мальчишки не забрасывали путников снежками и не брели к церкви процессии со святыми реликвиями. Стылый ветер и снег разогнали всех по домам. Лишь метель да демоны владели миром в этот день светлого Рождества Христова. Сквозь заиндевевшие оконца слабо мерцали огоньки, и если где-то и было веселье, то лишь в корчмах и придорожных трактирах, откуда неслись взрывы хохота, гнусавые звуки рожков и волынок да мерный топот деревенских башмаков. Порой за пеленой снега проступали силуэты башен замков, но проводник распорядился объезжать их стороной, и они, словно призраки, вскоре исчезали из виду. Путников окружала тишина, нарушаемая лишь отдаленным боем колоколов да волчьим воем, когда они спускались в безлюдные долины среди болот.

К вечеру метель стала усиливаться, и это вселяло тревогу. Снег лежал девственно чистым покровом, не давая возможности определить дорогу и сориентироваться. Путь шел лесом, мороз крепчал. Невзирая на гул в ушах, герцог слышал, как его оруженосец бранится с проводником:

– Мерзкий плут! Разве ты не видишь, что творится с его светлостью? Нам надо как можно скорее оказаться в тепле, а ты завел нас в места, где отродясь не бывало никакого жилья.

Проводник огрызался, твердя, что он сам родом из этих мест и что они вот-вот выберутся на дорогу паломников, ведущую к Мелрозскому аббатству. Однако, несмотря на все его уверения, они продолжали без конца кружить среди стволов гигантских дубов.

Генри почти уже висел на луке седла, позволив Ральфу вести его лошадь за поводья. Ему было так скверно, что он даже не поднял головы, когда сквозь завывания ветра долетел мощный бас большого колокола, а проводник вскричал с воодушевлением:

– Клянусь святым Эндрью, ты был не прав, южанин, попрекая меня! Никто из тех, кто рожден на берегах могучего Твида, не ошибется, услышав колокола Мелроза! Вперед же, и не пройдет и получаса, как мы окажемся в самой прославленной обители Нижней Шотландии, где покоится сердце великого Брюса! [26 - Роберт Брюс (1306–1329) – прославленный шотландский король, при котором Шотландия приобрела независимость от Англии. По преданию, его сердце погребено в Мелрозском аббатстве.]

Они пришпорили коней и вскоре, миновав лес и болотистую, продуваемую всеми ветрами равнину, выехали к темневшему среди снегов Твиду. Каменный арочный мост со сторожевой башней вел через реку к возвышающемуся подобно утесу древнему строению с крепостными башнями и зубчатыми стенами.

Лошади заржали и ускорили бег, почуяв близость конюшни. Проводник приблизился к Бекингему.

– Милорд герцог! Мелроз столь часто страдал от набегов ваших соотечественников, что не удивляйтесь, если нам будет оказан не самый радушный прием. Нынешний настоятель аббатства приор Ремигиус человек воинственный и горячий, к тому же он ненавистник англичан. Судя по всему, нам не удастся скрыть от него, что вы принадлежите к этой нации, однако упаси вас Бог назваться собственным именем. В остальном вас охранит грамота герцога Олбэни. И еще – не следует говорить ни одного худого слова о Дугласах. Аббат Ремигиус из рода Хьюмов, а те ближайšie союзники могущественного графа Ангуса.

Наконец они оказались у подножия массивной надвратной башни аббатства и, после того как привратник поднял тяжелую кованую решетку и отворил ворота, въехали в обширный двор обители. Высокие стены и постройки сдерживали напор вьюги, и тем не менее большая часть двора утопала в глубоких сугробах. Бекингем еще нашел в себе силы сойти с лошади и отвести ее в конюшню, а потом молоденький послушник в овечьей шубе мехом внутрь проводил их в просторную прихожую аббатства.

Генри огляделся. Если сторожевые башни Мелроза делали его со стороны похожим на крепость, то внутри аббатства все поражало тонкой и обдуманной архитектурной завершенностью. Белокаменные стройные колонны устремлялись к стрельчатым сводам потолка, богатая лепка украшала дверные косяки, а в нишах в колеблющемся свете очага белели статуи святых. И это всего лишь помещение для приезжих! Трудно даже представить, насколько же тогда богат этот монастырь, обладающий сердцем самого почитаемого короля шотландцев!

В это время по полукруглым мраморным ступеням к ним спустился сам настоятель. Его светлая сутана братьев цистерцианского ордена была подбита мехом в отличие от более простых одеяний следовавших за ним капелланов. Лицо отца Ремигиуса было властным, тяжелый двойной подбородок утопал в меховой опушке. Он был рослым и статным мужчиной с жестким взглядом, и в жесте, каким он слегка поднял для благословения руку, чувствовалось нетерпение.

– Благослови вас Господь, если Он действительно столь милосерден, что способен даровать свою благодать англичанам, которые не останавливаются ни перед тем, чтобы поднять меч на монаха, ни перед тем, чтобы отобрать последний пенни у нищего.

Видя, что путники молчат, он добавил:

– Мой секретарь прочитал вашу охранную грамоту, а ваш проводник подтвердил, что вы южане.

Бекингом постарался взять себя в руки и слабо улыбнулся.

– Святой отец, вы не слишком-то благосклонны к бедным путникам, попросившим приюта в такой великий праздник.

– Достаточно и того, что я впустил вас сюда. Подумать только – англичане в Мелрозе! И это после того, как бешеный волк Майсгрейв – и двух лет не прошло – ворвался сюда со своей стаей и прямо во дворе обитали изрубил нескольких несчастных, попросивших у меня убежища!

На это Бекингу нечего было возразить. Аббат торжествовал.

– Таковы все англичане. Разве не они угоняют наш скот, не они жгут наши села, не страшась гнева Господня, и готовы поднять на пики каждого шотландского младенца?

– Неужели Майсгрейв творит подобные бесчинства? – ужаснулся герцог.

– Он или другой – какая разница? Ваши соотечественники, сэр, все одинаковы. Они словно до сих пор не могут смириться с тем, что Роберт Брюс отнял у них Шотландию, а Дугласы разнесли Перси в пух и прах при Оттенбурге[27 - Битва при Оттенбурге (13 августа 1388 г.) закончилась сокрушительным поражением англичан, несмотря на их численное превосходство.].

– Ах, святой отец, если мы пустимся ворошить седую старину, то и я могу напомнить о победе англичан в битве за знамя при Катон-Муре[28 - В битве при Катон-Муре (1138 г.) войско короля Стэфана разгромило шотландцев.].

Аббат внимательно взглянул на Генри.

– Вы неплохо образованны, сэр. Как ваше имя? Несмотря на бумагу от брата короля, я уверен, что вы путешествуете под чужим именем.

– Я путешествую инкогнито, досточтимый аббат, и прошу вас не допытываться, кто я на самом деле. Для вас я всего лишь измученный непогодой странник, попросивший приюта в стенах вашей святой обители.

Аббат скупо усмехнулся и кивнул.

– Я так и думал. Англичане, путешествующие инкогнито, да еще не побрезговавшие гэллоуэйскими лошадьми... М-да. Это могут быть лишь шпионы Олбэни, с помощью которых он желает скрепить мир с Йорками.

– Что же вас так возмущает, отче? Разве не сказано в Писании: «Блаженны миротворцы»?

– Аминь. Но в Писании сказано и «око за око» – не так ли? И зря брат короля, едва получив титул лорда-хранителя восточных границ, так рвется наладить отношения с южными соседями, ибо, видит Бог, это никогда и никому не

удавалось. Если герцог Олбэни не имеет в отношении англичан каких-либо далеко идущих планов, то он лишь зря пытается изменить status quo.

– Вас же, преподобный отец, как я вижу, устраивает нынешнее положение на границе и...

Герцог попытался сказать какую-то колкость, но неожиданно зашелся в жесточайшем приступе кашля, от которого, казалось, вот-вот разорвется грудь. Глаза его застлало слезами.

Аббат взглянул на него с презрительной улыбкой.

– Я вижу, молодой человек, вы и в самом деле нуждаетесь, чтобы о вас позаботились. Памятуя о своем христианском долге, я окажу вам гостеприимство, хоть вы и англичанин. Однако, клянусь своим саном, я не намерен долго терпеть ваше присутствие в Мелрозе и буду весьма признателен, если вы поспешите как можно скорее покинуть кров этой исстрадавшейся по вине ваших соотечественников обители.

Вслед за тем настоятель величаво удалился, а Ральф Баннастер подхватил рвущего на груди рубаху Бекингема, ибо у того стал такой взгляд, что перепуганный оруженосец решил, будто герцог сию минуту угостит достойного прелата добрым пинком в зад.

– Ради светлого Рождества, ваша светлость! – беззвучно умолял он. – Сдержитесь! Вспомните, к чему привел ваш необузданный нрав в Линлитгоу!

Подошедший монах молча провел путников в монастырскую кухню, пол которой был вымощен каменными плитами, а в торцах помещения на возвышениях стояли печи. Вдоль стен тянулись столы для разделки и обработки туш, а на черных дубовых полках над ними громоздились бесчисленные кувшины и кадки с вином и приправами. Монах-прислужник мыл в чане посуду после трапезы монахов. Здесь было так душно, что герцога сразу прошиб пот. Он устало опустился на скамью. Голова кружилась, и, несмотря на жару, его бил лихорадочный озноб.

– Что с вами, господин? – Как ни был обеспокоен Ральф, ответа он не услышал, так как подали еду – ломти сочной поджаренной ветчины и до отвала тушенной

с приправами капусты. Оруженосец и проводник с жадностью набросились на снедь, Генри же снова лишь прикоснулся к своей миске.

«Я действительно серьезно болен, – размышлял он. – Как это некстати... Надо продержаться; может, удастся переломить хворь». И тут же он снова зашелся трескучим кашлем. К тому же в тепле заныли раны. Пухлый монах-повар поставил перед Генри плошку молока со взбитым яйцом, и герцог заставил себя проглотить питье. Это было необходимо, если он хотел сохранить силы и добраться до Англии. Англия! Сейчас ему казалось, что никогда больше он не пересечет этот снежный рубеж, никогда не услышит чистой и прозрачной родной речи.

Келья, куда их отвели, после теплой кухни показалась ледяной. Ральф набросился на монастырского служку:

– Ты что, не видишь, набожный осел, что моему господину нездоровится? Немедленно тащи сюда жаровню и дюжину теплых одеял.

Монах ухмыльнулся и удалился вразвалку, однако поручение все же выполнил, а его помощник принес обернутый в кусок овчины нагретый камень, который Ральф положил в ногах у Генри.

– Они не такие уж скверные люди, эти шотландцы, – приговаривал Ральф, кутая герцога в одеяла и набрасывая сверху плащи. – Глядите, они прислали настой из трав. Сейчас вы согреетесь, а утром, пожалуй, сможете тронуться в путь.

У Генри трещала голова, дыхание было жгучим, но его так трясло, что зубы стучали о край оловянной чашки, из которой Ральф поил его отваром. Допив, Генри улыбнулся Ральфу.

– Когда мы вернемся в Лондон, я буду просить короля даровать тебе рыцарский пояс.

В Лондон! Герцог уже знал, что ни в коем случае не поедет ко двору. Он не мог простить Эдуарду своей ссылки в Шотландию, не мог простить и его намерения покончить с ним таким презренным способом. Генри считал поступок короля трусостью. По происхождению они были равны, и даже если Эдуард взошел на трон, он не умалил бы своего достоинства, скрестив из-за дамы меч с Генри

Стаффордом. Но где там!

Тучный и обрюзгший, король уже забыл о своей ратной славе, да и времена поединков из-за прекрасных дам безвозвратно ушли в прошлое. Так любил, посмеиваясь, говорить горбатый Дик Глостер, а он, Генри, не желал ему верить. Дик оказался прав. Он вообще редко ошибается, этот хромой парень, веселый и смелый, с которым так приятно охотиться среди холмов Бреккон-Бикона в Уэльсе или провести вечерок за партией в триктрак. Они стали добрыми приятелями с герцогом Глостером, когда тот был верховным судьей Уэльса. Генри даже затосковал, когда Ричард вынужден был уехать на Север.

– Ральф! – позвал Бекингем, и улегшийся было оруженосец испуганно вскочил. – Ральф, когда мы окажемся в Англии, то сразу направимся в Понтефракт, где сейчас резиденция Ричарда Глостера.

– Господи, конечно направимся. А теперь спите, вам надо набраться сил, а то, не приведи Господь, еще не скоро кузнецов, что подкуют вашу лошадь у дороги, станут кликать Смитами вместо Гоу[29 - Гоу - по-гэльски - кузнец; смит - то же по-английски.].

Масляный светильник над входом в келью горел дрожащим пламенем, язычок огня метался и трепетал, и у Генри от этого слезились глаза. Уснуть он не мог. Он обливался потом, задыхался, сердце билось тяжело и глухо. Стараясь отвлечься, Бекингем разглядывал ухмыляющуюся морду химеры в углу под потолком, пока не вспомнил, что в его детской в замке Брекнок в этом месте был высечен пляшущий человечек на забавных тонких ножках, в колпаке с ослиными ушами наподобие шутовского. Генри всегда улыбался ему, когда просыпался, хотя его толстая нянька Мэгг плевала в сторону изображения, твердя, что это нечисть, плутоватый дух Пак[30 - Пак - лесной гном в кельтской мифологии.]. Старая добрая Мэгг! Она вскормила его своим молоком, она не спала ночи напролет, когда он хворал в детстве, так же ворчала и журила его за своеволие, как сегодня Ральф. Они даже похожи - толстощекий с носом-пуговкой Ральф Баннастер и нянька Мэгг, хотя Ральф из благородной семьи, а Мэгг - простая крестьянка, которую взяли в Брекнок, когда леди Стаффорд предстояло родить. Сейчас Генри вдруг до слез захотелось оказаться рядом с Мэгг, услышать ее ворчание или оглушительно громкий визгливый смех, от которого у герцогини Бекингем, как она говорила, мурашки бежали по коже.

Мать Генри была родом из Невилей и слыла редкой красавицей. Генри очень походил на нее, а нянька Мэгг, когда он расспрашивал ее о матери, твердила:

– Тебе стоит прикрыть нижнюю часть лица, когда глядишь в зеркало, и ты воочию увидишь свою матушку. Бедная леди, моя госпожа! Она без памяти любила вашего отца, сэра Хамфри – да будет благословенна его память, – и так и не смогла оправиться от утраты. А ведь как хороша она была и еще молода! Кто только к ней не сватался, но она так никогда и не пожелала снять траур.

Генри плохо помнил мать. Ему не исполнилось и одиннадцати лет, когда она умерла, и в его памяти остался образ высокой стройной леди с зачесанными вверх темными волосами, уложенными короной, и голубыми, как весеннее небо, глазами. Мать всегда носила траур и всегда была молчалива и задумчива. Генри чтит ее память. Резное кресло матери с инкрустациями из серебра и перламутра, в котором она любила сживать в нише окна большого холла замка Брекнок, стало своего рода святыней. Даже Генри не позволял себе занять ее место – то самое, где она угасала в тоске о погибшем в войне Алой и Белой Розы муже. Когда же он увидел, что эта навязанная ему в жены низкородная выскочка Кэтрин Вудвиль восседает в нем в своем пестром, как вывеска красильни, платье, он едва не поколотил ее, а кресло велел унести, бережно упаковать и хранить в одной из кладовых. Однако это не помешало ему по ночам подниматься в спальню жены, проводить там около получаса, а затем удаляться к себе. Он так и не смог полюбить эту заносчивую вульгарную девчонку, без конца грызущую сладости и таскающую за собой на золотой цепочке светлошерстного заморского кота с черной мордой и мутно-голубыми глазами. Она называла кота Генри, как и мужа, иногда – Анри, на французский манер, и всякий раз вызывающе поглядывала на герцога, когда возилась с этой полудикой тварью. Руки ее всегда были исцарапаны, и она без конца твердила:

– Какой ты гадкий, Генри! Когда-нибудь я устрою тебе такую трепку!

Однако резное кресло покойной свекрови, видимо, не шло у нее из головы, и вскоре она стала обхаживать старого мажордома Оуэна и даже поначалу невзлюбившую ее Мэгг. Дело зашло так далеко, что однажды сама Мэгг заявила Генри:

– Твоя жена скоро родит, однако каждый день она ноет и жалуется, что из-за трона покойной леди не чувствует себя в замке настоящей хозяйкой. Смягчился бы ты, милорд, пусть уж утешится.

Герцог взорвался и наотрез отказал, добавив, что в тот день, когда Кэтрин Вудвиль сядет в кресло его матери, он покинет Брекнок навсегда.

Весьма скоро сестра королевы родила ему сына, и Генри, когда ему дали подержать первенца, был так горд и счастлив, что поцеловал жену и неосторожно сказал, что она может просить его о чем угодно. И разумеется, она тотчас попросила для себя трон хозяйки Брекнока. Старый Оуэн, Мэгг, придворные и прислуга ухмылялись, словно только этого и ждали, и Генри вынужден был согласиться. Однако когда он увидел Кэтрин Вудвиль в этом кресле, увидел ее торжествующее лицо, ее вцепившиеся в подлокотники пальцы – она словно хотела показать, что теперь ее отсюда так просто не вытащишь, – ему снова стало не по себе. После этого Генри напился так, что ему казалось, будто мозаичные полы большого зала покрылись трещинами, сводчатые потолки прогибаются и рушатся, а круглые мраморные колонны пустились в пляс... В ушах стоял гул, сквозь который пробивался какой-то неистовый крик... Кто-то звал его...

– Сэр Генри! Ради всего святого, милорд, очнитесь! Да что же это!.. Сэр Генри!

Ральф Баннастер тряс его изо всех сил.

– Господи, сэр, я уже не знал, что и делать. Вы слышите меня? Надо бежать! Дуглас в Мелрозе!

У Бекингема все плыло перед глазами, и он не сразу понял, что случилось. Но когда сообразил, вскинулся на ложе как ужаленный.

– Что ты говоришь?

– Истинная правда. Слава Богу, я проснулся, когда они подъезжали к сторожевой башне. Слышите, как тихо. Вьюга улеглась, на дворе такой мороз, что и саламандра околеет, любой звук за милю слышно. Вот я и поднялся, когда затрубили у ворот аббатства. Слышите, сэр, сейчас они как раз спешиваются.

Несмотря на ломоту в суставах, Генри рывком поднял непослушное тело и, подойдя к узкому оконцу, осторожно открыл его. В лицо дохнуло холодом. Внизу в морозной мгле раздавалось бречание сбруи и резкий скрип снега.

Властный голос требовал позвать настоятеля.

– Они только что приехали?

– Да. Я слышал, как засуетились монахи и кто-то пробежал по коридору, крича, что прибыл граф Ангус.

– Граф Ангус?

До Бекингема только теперь стал доходить смысл происходящего.

– Не может быть! Он повредил ногу и не способен передвигаться.

– Говорят вам, он здесь.

Генри вдруг прошиб пот. И отнюдь не из-за болезни. Он снова попытался хоть что-нибудь разглядеть сквозь узкое, как щель, окно, но Ральф сказал:

– Здесь вы ничего не увидите. Надо выйти в коридор.

Кутаясь в плащ, Генри, следуя за Ральфом, очутился в сводчатом проходе, в конце которого было большое, в человеческий рост, окно. Прильнув к одному из менее заиндевевших ромбовидных стекол, Бекингом мог видеть силуэты людей во дворе, горящие факелы, тени спящих монахов, принимавших у вновь прибывших лошадей. В морозном воздухе голоса звучали отчетливо, однако разобрать слова было трудно. Генри во все глаза глядел на возвышавшегося посреди двора рослого всадника в меховом плаще. В серебристом свете звездной ночи и бликах факелов его фигура на высоком вороном коне казалась особенно грозной. Под меховой опушкой капюшона нельзя было различить лицо, однако спустя мгновение среди наполнявших двор звуков выделился рокочущий бас:

– Клянусь семью страстями Господними! Долго ли я буду ожидать? Эй, монахи, куда девался ваш аббат?

От этого голоса наблюдающим за Дугласом англичанам стало не по себе.

– Сэр Генри, как вы полагаете, зачем он здесь? Святые угодники, смилуйтесь над нами!.. А что, милорд, если мы попросим покровительства у доброго аббата Ремигиуса? Может быть, он защитит нас от этого чудовища?

В ответ герцог фыркнул.

– Не забывай, что для аббата англичане – кровные враги!

В это время сам настоятель, сопровождаемый двумя факелоносцами, вышел на крыльцо. Граф Ангус направил коня к самым ступеням. Он не собирался спешиваться и легко сдерживал скакуна, который нетерпеливо бил копытом снег и грыз удила. От боков коня валил пар, он был разгорячен, и Генри, большой знаток лошадей, невольно залюбовался бы им, если бы не положение, в котором они оказались. Скрип снега, шаги, треск факелов мешали расслышать, но все же Генри кое-что разобрал. До него донеслось:

– Сразу в путь... Честь графини, моей жены... Месть... Английский пес...

– Ну, мой славный Ральф, – похлопал Бекингом оруженосца по плечу, – не знаю, как ты, а я не поручусь, что по мне в Мелрозе сегодня не споют: «*Requiem aeternam dona ei, Domine*»[31 - «Вечный покой даруй ему, Господи» (лат.) – начало католической заупокойной молитвы.].

– Милорд, как вы можете так шутить!.. – стуча зубами от страха, возмутился оруженосец.

Он умолк, и они стали пристально следить за тем, что происходит во дворе. Граф Ангус по-прежнему беседовал с аббатом, и внезапно тот громко, неподобающе громко для духовного лица, захохотал, указывая в сторону дома для приезжих. Граф Ангус тотчас спешил. Теперь было видно, что он сильно припадает на правую ногу. Один из его людей подставил плечо, и граф, опираясь на него, вместе с аббатом и сопровождающими направился к дому для гостей. Большая часть его людей тоже спешила, и монахи приняли у них лошадей. Аббат шел рядом с Дугласом, и Генри слышал, как он сказал:

– Я с самого начала заподозрил, что здесь дело нечисто.

Ральф испуганно вцепился в локоть герцога.

– Бежим!

Бекингом, невольно поддавшись панике, кинулся по коридору вслед за оруженосцем, но, когда они уже были у лестницы и слышали внизу голоса, опомнился.

– Постой, Ральф. Так мы попадем прямо к ним в лапы.

Теперь они метались по коридору, ища выход. Но здесь не было других дверей, кроме тех, что вели в кельи для постояльцев монастыря. Генри вернулся к окну. Прямо под ним тянулась покатая черепичная крыша галереи, опоясывающей двор. И пока Ральф судорожно дергал какую-то запертую дверь, в голове у Генри родился безрассудный и дерзкий план. Он видел, что монахи все еще держат под уздцы оседланных лошадей, а кованая решетка надвратной башни поднята и ворота не заперты.

– Ральф, скорее за мной! – вскричал герцог и с разбегу всем телом ударил в окно.

Раздался оглушительный звон разбиваемых стекол. Генри вывалился на кровлю и покатился по ней, пытаясь задержаться. Ему это не удалось, и он с трудом уцепился за зубчатый водосток. Раненую руку обожгло болью, и он, закричав, выпустил спасительный край и рухнул в темноту. Пухлый сугроб смягчил удар. В тот же миг герцог вскочил и, забыв о раненой ноге, метнулся через двор туда, где стояли лошади.

Первым на его пути оказался конь графа Ангуса. Сильным ударом в челюсть Генри опрокинул навзничь державшего повод монаха. У него не было времени оценить дерзость своего поступка, он лишь заметил, что застывшие на мгновение от неожиданности ратники Дугласа теперь бегут к нему со всех сторон. В ту же минуту, ухватившись за холку вороного, он рывком, без стремян, вскочил в седло.

– Ральф! – крикнул он, наматывая на руку поводья и сдерживая бешено рвущегося жеребца.

Оруженосец уже спрыгнул с крыши и пытался поймать за повод другую испуганно мечущуюся лошадь.

– Ральф! Скорее!

Он видел, как к нему отовсюду приближаются люди, как беснуются испуганные лошади. Но в следующее мгновение ему пришлось туго. Жеребец, не признав чужака, громко заржал и поднялся на дыбы. Генри всей тяжестью тела навалился на шею животного, обхватив ее руками. С силой сдавливая горло коня, он приник к его корпусу, но тут же отпрянул, когда жеребец, опустившись на передние ноги, стал отчаянно бить задом.

Генри Стаффорд был не последним наездником, но сейчас ему пришлось призвать все свое мастерство, чтобы с помощью поводьев и стремян удержать коня. Он не обращал внимания на острую боль в ранах, целиком погруженный в борьбу с вороным. Рванув поводья, он заставил коня опустить голову. Сбоку из темноты выскочил воин с обнаженным мечом, но конь подкинул круп – и удар нападавшего пришелся по окованной луке седла. И тут же воин испуганно закричал, сбитый с ног при повороте мощного животного. Этот крик, полный боли, на секунду остановил других спешивших к ним ратников. Генри натянул повод и сейчас же с ужасом увидел, что двое монахов раскачивают застрявшую в снегу створку ворот.

– Ральф! Уходим, Ральф! Скорее!

Оруженосец уже был в седле и тотчас понесся к воротам. Увидев мчащегося всадника, монахи шарахнулись прочь, оставив одну створку открытой. В тот же миг Генри почувствовал, что совладал с конем, и, с силой ударив его пятками под ребра, проскакал под уже начавшей опускаться решеткой в арке ворот аббатства.

Морозный воздух обжигал легкие. Звезды сверкали, как волчьи глаза. В лицо бил бешеный ветер. Они неслись через открытую долину, и Генри видел впереди черный силуэт своего оруженосца.

Он оглянулся. Мелроз сиял огнями, в ближнем селении заливались лаем собаки. От аббатства отделилась, устремляясь за ними, цепочка факелов. Даже сквозь свист ветра в ушах и топот копыт можно было различить яростный вой – боевой

клич Дугласов.

Испуганный конь, видя перед собой открытое пространство, мчался во весь опор. Если бы не ледяной ветер и не боль от ран, Генри наверняка наслаждался бы этим великолепным аллюром. Сейчас же он еще был до краев полон страха – и этот страх не уходил. Позади была погоня, и он снова и снова пришпоривал жеребца, хотя грудь при каждом вздохе болела, а конь и без того мчался так стремительно, что вскоре стал настигать поначалу ушедшего вперед Ральфа.

Однако погоня не отставала. Еще раз оглянувшись, Бекингом увидел, что цепочка огней сползла с дороги и движется по склону наперерез беглецам. Он выругался сквозь судорожно сцепленные зубы и, вновь припав к гриве коня, с гиканьем послал его вперед.

Впереди показались заснеженные холмы, а дальше на фоне звездного неба темнели очертания гор Чевииота. Генри снова заметил, что погоня срезает по снежной целине изгиб дороги. Теперь крики преследователей стали слышны еще отчетливей. Генри втянул воздух, чтобы унять боль в груди. Лицо на ветру горело, как ободранное, взмокшие волосы покрылись ледяной коркой.

Между холмами лежало замерзшее болото. Дорога огибала его по дуге, но Генри, увидев, что преследователи уверенно направились к его краю, пустил коня напрямик. Ральф сделал то же. Теперь они неслись по кочковатой низине, где все время приходилось быть начеку. Герцог едва не налетел на огромный плоский камень, но его скакун успел прыгнуть, чиркнув подковой о его поверхность. Во время приземления ноги жеребца подогнулись, и он упал на колени. Генри едва не вылетел из седла, но все же успел намертво сомкнуть руки вокруг шеи животного. Собрав все силы, могучий скакун поднялся на ноги и, нервно мотая головой, почти без понукания устремился вперед.

Генри вдруг поймал себя на мысли, что ему, в общем, уже все равно, что с ним будет. Конь под ним совершал невообразимые скачки, Генри же, потеряв при падении лошади стремяна, никак не мог поймать их. Он лишь сжал коленями бока животного да пытался удержать равновесие. Только теперь он стал чувствовать, что слабеет, что с каждой минутой тают силы, а главное – иссякает воля к борьбе.

Миновав горбатый каменный мост через небольшую речушку, они с разбегу врезались в какой-то лесок. Слава Богу, здесь оказалась просека, белевшая среди массы деревьев. Кони месили снег, проваливаясь едва не до колен. Позади все явственнее слышались крики, и вскоре за деревьями замелькали огни. По странной ассоциации, Генри вдруг вспомнилась облава на медведя-людоеда, когда он еще ребенком жил в Уэльсе. Такие же неистовые крики в снежной ночи, то же мельтешение огней за черными стволами... Ему начало казаться, что разум нелепым образом раздваивается. Пламя смоляных факелов, шум погони, барахтающийся в снегу угольно-черный конь – все это подхлестывало и заставляло стремиться вперед, но откуда-то теплой волной накатывала слабость, хотелось бросить поводья, упасть в снег, предоставив себя воле Провидения...

Лес кончился неожиданно. Перед ними открылось узкое ущелье, по дну которого бежал бурливый поток. По сторонам ущелья черными грядками нависали скалы. Сквозь мглу Генри заметил впереди силуэт Ральфа, отчаянно пытавшегося поднять упавшую лошадь. Чувство ответственности за оруженосца заставило очнуться. Подъехав ближе, он откинулся в седле, натягивая поводья.

– Милорд! – бросился к нему Ральф. – Милорд, помогите! Моя лошадь сломала ногу!

– Скорей взбирайся ко мне!

Генри был так слаб, что едва не выпал из седла, пока Ральф карабкался на жеребца.

Уставший от долгой скачки, конь окончательно смирился и покорно двинулся вперед, тяжело ступая под двойной ношей. Сзади по-прежнему слышался шум. Вороному непросто было пробираться по глубокому снегу с двумя всадниками на спине. Он начал засекал ногу на узкой тропе; казалось, еще мгновение – и всадники рухнут в поток.

У Генри все плыло перед глазами: сыпучий снег, каменистые изломы скал, звездное небо над головой. Глаза горели сухим огнем, контуры предметов казались окруженными искрящимся ореолом. Он слышал, как невероятная тяжесть наваливается на него, как повод ускользает из рук, как, не чувствуя больше шпор, замедляет бег конь.

– Господи, что с вами, милорд?

Герцог ощутил, как Ральф перехватил поводья, но не противился этому и упал лицом в гриву коня. Он слышал, как гикает, понукая вороного, Ральф, сам же лишь вцепился в жесткую щетину и закрыл глаза. Все стало безразлично. Генри не заметил, как они оказались на открытой равнине и понеслись среди голых холмов. Конь спотыкался, преследователи были едва ли не в четверти мили.

Генри попытался сбросить блаженную слабость, но не мог. Искося глядя через плечо, он совсем близко видел сполохи огней, но это не волновало его. Огни... Огни были везде – на искрящемся снегу, на плоских вершинах гор, на небе, на земле – словно все Джеки с фонарями[32 - Джек с фонарем – блуждающий огонек на болоте.], сколько их ни есть, покинув свои влажные жилища, собрались в этом диком краю.

– Сэр, смотрите! Что это?

Впереди на скале пылал костер. Генри не сразу различил его среди множества мелькающих перед глазами светящихся точек.

– Сэр, мы окружены! – отчаянно вскричал Ральф.

Генри неподвижным взором глядел на костер на возвышенности. Он-то знает, что это... Сигнальный огонь! В ненастье в Уэльсе на горных вершинах зажигают сигнальные огни, указывающие путь или предупреждающие об опасности. Так и должно быть – ведь перед ним гора Биконс[33 - Биконс – возвышенность в Уэльсе (2906 футов)]. Этот свет он порой видел, возвращаясь к себе в Брекнок. Какое счастье, он наконец-то дома!.. Он в Уэльсе! И вскоре знакомые башни выступят из мрака, а старая Мэгг станет журить его за то, что он снова не надел шапку, катаясь верхом...

Но Ральф не унимался, и Генри несколько пришел в себя от его воплей.

– Святой Георгий! Святой Георгий! Вы слышите, что кричат эти люди? Милорд, это не шотландцы! Мы вовсе не окружены! Это помощь, это англичане!

Бекингом невольно выпрямился. Действительно, навстречу им скакали всадники с факелами в руках. В воздухе реял воинский клич англичан – «Святой Георгий!».

Вскоре они оказались рядом и окружили их, звеня сталью. От лошадей воинов валил пар, факелы трещали и брызгали смолой.

– Помогите ради всего святого! – молил Ральф Баннастер. – Мы такие же добрые англичане, как и вы. За нами гонится сам Дуглас со всей своей сворой!

Воины о чем-то переговаривались, но в ушах у Генри все звуки расплывались и множились тысячами эхо. Но, Господи, как приятно было слышать английский говор, пусть даже и с резким нортумберлендским акцентом!

Из тьмы появился высокий рыцарь на коне. Под его меховым плащом тихо позвякивала сталь кольчуги.

– Эй, Эрик, доставь этих людей в Нейуорт. А мы пока скажем пару слов этим Дугласам. Видно, только мечом и можно втолковать им, что не годится нарушать Господне перемирие в Святое Рождество!

Взметнув снежную пыль, они ускакали. Из ночи долетел пронзительный клич, стеклянными осколками впившийся в воспаленный мозг Бекингема, а затем среди воплей и грохота доспехов он все же различил имя – Майсгрейв.

«Я где-то уже слышал о нем... Майсгрейв... Ах да – камень преткновения, разбойник из Пограничья...»

Но додумать он не успел. Звездная ночь стремительно закружилась, и герцог стал проваливаться в черную глубину, где не было дна.

3. Нейуортский Замок

– Febris accusio. Ignis fibrarum maximus est[34 - Лихорадка усиливается. Очень сильный жар (лат.).].

Генри увидел силуэт склоненного над ним мужчины. Он не мог разглядеть черты его лица, так как позади пылал огонь и человек казался сумрачной тенью.

- И вы считаете...

Он не разобрал слов. В голове стоял шум, который то усиливался, то стихал.

Теперь звучал уже другой голос - низкий женский, с легкой хрипотцой. Он даже подумал было, что говорит подросток, однако что-то в интонациях и строении фраз наводило на мысль о женщине. Она говорила на латыни, но смысл был ему безразличен... Зато звук этого голоса завораживал.

«У нее, наверное, восхитительной формы губы, - почему-то подумал Генри. - Такие губы сладко целовать... Этот голос...»

Он попытался открыть глаза - веки были тяжелее свинца, и все же он приподнял их. Полумрак... А вот и она. Бледное и нежное, как цветок, лицо под белым покрывалом и губы, пухлые и мягко очерченные. Они казались чуть великоватыми, но это не лишало их очарования.

- Мой Бог, да он, кажется, пришел в себя!

Она подошла ближе.

- Вы слышите меня? Как вы себя чувствуете? Вы чего-нибудь хотите?

Теперь она говорила по-английски. Генри попытался улыбнуться запекшимся ртом.

- Я бы хотел вас поцеловать.

Она казалась озадаченной, но вдруг рассмеялась. В ее смехе не было ни издевки, ни деланного возмущения. Генри тоже хотел бы смеяться вместе с ней, но откуда-то вновь нахлынула тьма, и он стал проваливаться, все еще слыша этот журчащий смех. Да, журчащий, словно струи маленьких водопадов в горных долинах Брекон-Бикона...

Его чем-то напоили. Он пил с жадностью, ибо иссох от жажды. Было душно, хотелось содрать с себя одежду и броситься в воды Уска[35 - Уск - река в Уэльсе, протекающая вблизи замка Брекнок.]. Порой, когда он приходил в себя, Генри видел каких-то людей и ту же прекрасную даму с чарующим голосом. Один раз он заметил среди них Ральфа Баннастера. Генри обрадовался ему как родному, хотел окликнуть, но язык присох к гортани, и он лишь невнятно прохрипел что-то и закрыл глаза, проваливаясь в небытие.

Гораздо позже, когда тьма отступила, он огляделся. В небольшом, выложенном серым камнем камине ярко горели торф и смолистые корневища. У огня сидел его оруженосец и что-то хлебал, звучно чавкая, из глубокой деревянной плошки. Генри окликнул его:

- Ральф, разве так должен вкушать пищу оруженосец родовитого вельможи? Мне стыдно за тебя. Ты хлюпаешь, как мужик, привыкший есть вместе со скотиной.

Ральф Баннастер замер, не донеся ложки до рта. Улыбка растянула его рот до ушей.

- О милорд! Вы пришли в себя! Какое счастье! А уж я-то боялся, что вы и впрямь помрете.

- Но аппетит от переживаний у тебя не ухудшился, я вижу. Что ты там ешь? Не мог бы ты и мне уделить немного?

Ральф сразу засуетился, швырнул ложку и выбежал, на ходу облив себя похлебкой. Он всегда был неряхой, не то что щепетильный франт Гуго - царство ему небесное, бедняге...

Генри Стаффорд вздохнул. Он лежал на широкой деревянной кровати под теплыми одеялами из волчьих шкур. Сбоку располагался камин, от которого тянуло теплом, напротив - два узких окна в неглубоких нишах, а между ними, в простенке, распятие. Стены были голые, но пол устлан буро-рыжими козьими шкурами. Под одним из окон стоял низкий столик с флаконами, пучками трав и глиняной ступкой для растирания снадобий. К кровати было приставлено тяжелое кресло, в котором ранее восседал Ральф, а у стены виднелся обитый кожей сундук, на котором была сложена стопкой одежда герцога и лежал его

меч. Камни на рукояти меча красиво мерцали, отражая пламя камина. Это было драгоценное оружие. Клинок из дамасской стали скрывался в богатых ножнах кордовской кожи, украшенных филигранными накладками из серебра. Генри обрадовался мечу как старому доброму приятелю.

Вернулся Ральф, взбил подушки, усадил герцога поудобнее и принялся кормить его мясным отваром с хлебом. Хлеб он размачивал в отваре и осторожно подносил герцогу ложку.

– Вы четыре дня пребывали в беспомыслии. Бредили, временами даже говорили по-валлийски. Видимо, решили, что вы в Брекноке, и все звали старую Мэгг.

– Где же мы?

– Вы разве не помните? Барон Майсгрейв отбил нас у Дугласов и привез в свой замок Нейурт. Это место еще называют Гнездом Бурого Орла.

Генри кивнул. Да, теперь он вспомнил. Это тот Майсгрейв, которого требовал доставить к нему Яков Шотландский и проклинал аббат Мелроза.

– Этот Майсгрейв, он что, разбойник?

– О, что вы, сэр Генри! Это настоящий лорд, с которым сам граф Нортумберлендский считается. И он спас нас, хотя граф Ангус и грозился камнем на камне не оставить в Гнезде Орла. Пришлось вмешаться самому Перси. Он был здесь и даже посетил вас, но вы лежали в беспомыслии.

– Перси побывал здесь?

– Да-да! Он враждует с Дугласом испокон веков и как узнал, что шотландец готовится напасть на Нейурт, тотчас примчался, чтобы помочь Майсгрейву. Я уж было решил, не миновать нам сидеть в осаде. Да слава Всевышнему, вмешались отцы Церкви. Епископ Йоркский Роттерхем отправил специальное послание королю Якову – мол, его лорд нарушает Господне перемирие. К епископу присоединилось и духовенство Шотландии, так что Дугласу пришлось повернуть свои войска вспять, пустив к стенам Нейурта стрелу с запиской, что, дескать, будет еще время поквитаться с Майсгрейвом. Вам он тоже угрожал и

клялся, что отомстит за Молнию.

– Молнию?

– Известное дело. Это его конь. Смеею заметить, что этого неотесанного графа не так взбесило то, что вы приударили за его женой, как то, что вы увели его любимого жеребца.

– Экий вздор! Ну и отдали бы ему этого коня.

Ральф, однако, вдруг пришел в крайнее возбуждение.

– Силы небесные! Сэр, что вы такое говорите! Молния – лучший скакун во всей Шотландии, и теперь он ваш по праву.

– Из-за этого коня одни неприятности. Да будь у него хоть рог во лбу и крылья за спиной, как у коня Персея, он не стоит того, чтобы из-за него лилась кровь.

– Как раз кровь-то и не лилась. И пусть лучше Дуглас кипятится из-за лошади, чем вопиет о своей поруганной чести.

Но Генри уже и думать забыл о шотландской красавице. Перед ним стоял образ дамы, врачевавшей его, и он тотчас спросил о ней Ральфа.

Оруженосец просиял.

– Это леди Майсгрейв. И пропади я пропадом, если она одна не стоит всех шотландских леди, вместе взятых. Но упаси вас Бог, милорд, повести себя с ней, как с Марджори Дуглас. Вам тогда придется иметь дело с самим бароном, а он – гроза Пограничья.

Генри хмыкнул.

– Помилуй Бог, я еще и не видел толком этой леди, а ты уже трясешься от страха. По-моему, люди в этих краях просто невежи, если они не позволяют оказывать внимание их дамам.

– Милорд, заклинаю вас!..

Голос Ральфа был совершенно серьезен.

– Вы не должны ничего предпринимать хотя бы из уважения к человеку, который спас вас с риском для себя.

Генри никак не отреагировал на слова Баннастера. Он вспомнил, как рассмеялась леди Майсгрейв, когда он сказал, что хочет ее поцеловать. Или ему показалось, что он это сказал?

Генри поудобнее устроился среди подушек. Белье пахло мятой и еловой хвоей. После еды он почувствовал себя гораздо лучше и его стало клонить в сон. Поэтому он лишь вяло пробормотал, что у него и в мыслях нет ничего подобного, и, отвернувшись к стене, моментально уснул.

Он проснулся, когда белесый молочный свет уже лился сквозь круглые мутноватые стекла. Откуда-то долетал благовест колокола. Было слышно, как на стенах меняется стража. Угли в камине остыли и подернулись пеплом. Генри натянул одеяло до подбородка, повернулся на спину и долго лежал, разглядывая темный потолок, опирающийся на древние дубовые балки. Из соседнего помещения доносился зычный храп Ральфа Баннастера. Скрипнула дверь, но никто не вошел, хотя за дверью явственно слышалась какая-то возня. Генри слегка повернул голову и, прикрыв глаза, стал наблюдать сквозь сетку ресниц.

Дверь приоткрылась немного шире, и Бекингом увидел темноволосую головку ребенка. Малыш с опаской заглянул в комнату, потом обернулся и внятно прошептал:

– Он спит! Идем же, не бойся.

Он осторожно переступил порог – карапуз в зеленом, опушенном мехом кафтанчике, лет четырех-пяти. Волосы его падали до плеч, а из-под темно-каштановой, до бровей, челки на Бекингема с любопытством глядели удлинненные, слегка раскосые сине-зеленые глаза.

Следом за ним в комнату прошмыгнула девочка немного старше. Хорошенькая, как купидон, с волнами рассыпавшихся по плечам белокурых волос, длинными густыми ресницами и неожиданно темными глазами.

Девочка испуганно взглянула на кровать, где лежал герцог, и попыталась удержать малыша:

- Не надо, Дэвид. Мама будет сердиться, если мы потревожим больного.

Когда она говорила, ее пухлые, как ягоды, губы забавно надувались. Она была в том возрасте, когда девочки становятся нескладными и угловатыми, как кузнечики.

- Дэвид! - громким шепотом окликнула она, но мальчишка уже обежал кровать герцога и опустился на корточки возле меча Генри.

- Смотри, Кэтрин, какой красивый! Точно сам Эскалибур - меч короля Артура[36 - Легендарный король из английских преданий.].

Дэвид присел на корточки и осторожно провел пальцем по ножнам.

Генри лежал, притворяясь спящим, но с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться и не вспугнуть малышей.

Кэтрин тоже приблизилась и встала рядом с мальчишкой. Теперь она стояла лицом к Генри, и он лучше разглядел ее. На ней, как и на Дэвиде, был наряд из зеленой шерсти с меховой оторочкой и черными бархатными манжетами. Одежда детей была незатейливой, но отменного качества, и герцог сразу понял, что это вовсе не отпрыски двора.

Между тем эта парочка возилась с его мечом. Кэтрин заинтересовалась камнями на рукояти, Дэвид же усердно пытался извлечь меч из ножен, чтобы рассмотреть клинок. В конце концов Бекингем решил вмешаться:

- Разве маленьким детям позволительно забавляться оружием?

Они так испугались, что меч с грохотом упал с сундука. Кэтрин кинулась было к двери, но, увидев, что мальчик не двинулся с места, остановилась. Теперь, когда ее бойкий приятель словно проглотил язык от неожиданности, она решила вступить за него:

- Мы думали, что вы спите, сэр. А ваш Эскалибур мы просто хотели как следует рассмотреть. Отец говорил, что он необыкновенно красив.

- Ваш отец?

- Да.

Мгновение Кэтрин смотрела на герцога, потом гордо вскинула маленькую головку и заявила:

- Мы Майсгрейвы!

Брат и сестра! Как он сразу не сообразил! Хотя и немудрено - уж очень они непохожи.

Маленький Дэвид тем временем пришел в себя.

- У моего отца тоже есть меч. И ничуть не хуже этого.

В отличие от старшей сестры он говорил еще по-детски, слегка картавя. Это умиляло Генри.

- Конечно, - с улыбкой сказал он. - Уж если ваш отец - барон Майсгрейв, то у него и в самом деле должно быть лучшее в Пограничье оружие.

Похвала отцу растопила недоверие в их маленьких сердцах. Брат и сестра переглянулись, сразу обнаружив свою похожесть. Подтащив к ложу Генри его меч, Дэвид стал допытываться, что означает изображение собаки или волка, которое он успел заметить у основания клинка. Герцог пояснил, что это клеймо мавританского оружейника из Толедо Редудона. Дэвид тут же пустился рассказывать, что и у его отца на клинке есть клеймо, но что там изображено, он не может понять.

Маленькой Кэтрин, видимо, не понравился этот разговор про оружие, и она вдруг выпалила:

– А Дэвида в День невинно убиенных младенцев избрали мальчиком-епископом! [37 - Представление на Святках, когда ребенка одевают в облачение духовного лица и все взрослые выполняют ту работу, которую он им назначит.]

Дэвид хихикнул, почесал за ухом и охотно поддержал эту тему. Вскоре дети наперебой рассказывали, как Дэвида одели в рясу и на мечях вынесли из церкви святого Катберта, а затем внизу, в деревне, он направо и налево отдавал приказы, и никто не смел его ослушаться.

– А как же Дугласы? – несколько удивился Генри. – Вы, я вижу, тут всю веселитесь, а мой оруженосец говорит, что замок едва не подвергся осаде.

Что осада, что представление с мальчиком-епископом – им все было весело. Они дружно закивали:

– Да-да, мама даже запирала нас в большой башне, а во дворе грели смолу.

– Вот дыму-то было! – перебил сестру Дэвид. Он влез на кровать, почти усевшись на герцога, и, размахивая руками, показывал, как клубился дым.

– А потом приехал крестный Дэвида, дядюшка Гарри Перси, и они все быстро уладили.

Бекингом был удивлен.

– Что я слышу? Граф Нортумберлендский твой крестный, Дэвид?

Генри показалось это невероятным. Видимо, барон Майсгрейв персона весьма заметная, если сам Перси ходит у него в кумовьях.

Однако Кэтрин изумила его еще больше.

– Велика важность! А моя крестная – леди Баклю из Бракенстоуна!

Генри был сражен. Баклю, самый воинственный шотландский род в Пограничье! Таковыми же с английской стороны считали и Майсгрейвов. И вот, оказывается, эти исконные враги водили дружбу. Нет, он решительно ничего не понимал в этом Нортумберленде!

Между тем дети вновь взялись взахлеб рассказывать о святочных представлениях, когда Дэвид заставил отца разносить воду и дрова по женским покоям, а капеллану отцу Мартину пришлось доить бодливую бурую корову, и вся дворня надрывала животы со смеху, глядя на почтенного священнослужителя, пока леди Майсгрейв не сжалась над ним и не упросила сына снять с бедняги столь суровую епитимью.

Дети перебивали друг друга и смеялись. Генри тоже поддался их настроению. За стеной по-прежнему храпел Ральф, но на него не обращали внимания, пока Бекингем не попросил Кэтрин и Дэвида разбудить его, чтобы Баннастер растопил камин. Но дети в один голос воспротивились этому, сказав, что справятся сами, а несносного оруженосца лучше не трогать, потому что он уже не раз гнал их прочь, когда они хотели сюда пробраться.

И действительно – они быстро развели огонь, хотя едва не подрались за право высечь искру. В конце концов Генри вмешался, заявив, что поджечь растопку должна Кэтрин, так как Дэвид еще мал. Мальчишка тут же надулся и отошел, упрямо уставившись в окно. Кэтрин же одарила герцога кокетливой улыбкой, заметив:

– А вы, между прочим, красивый рыцарь.

Генри расхохотался так, что снова заняла грудь.

Решив пойти на мировую с Дэвидом, он разрешил ему рассмотреть насечку на клинке меча у рукояти. Завершилось же все тем, что дети забрались к нему на кровать, а он стал рассказывать им слышанную в детстве от Мэгг историю про пастуха Кэдуладера и его козу Дженни. Дети слушали эту старую валлийскую сказку, приоткрыв рты, но, когда Генри добрался до того, как коза превратилась в прекрасную девушку и повела Кэдуладера к козлиному королю, они услышали где-то внизу шум и женский голос, громко звавший детей по имени.

– Это мама! – всполошилась Кэтрин. – Ох, не говорите ей, что мы были у вас, сэр!

Брат и сестра кинулись было к выходу, но, сообразив, что путь к отступлению отрезан, тут же вернулись и торопливо юркнули под кровать. Бекингему опять стало нестерпимо смешно. Но в этот миг он услышал, как за дверью с кем-то разговаривает пробудившийся наконец-то Ральф. Затем вошла баронесса. Рядом с трещоткой в руках семенил карлик на кривых ножках, а следом показался недоумевающий оруженосец.

Леди Майсгрейв взглянула на Генри и улыбнулась.

– Доброе утро, милорд. Слава Иисусу Христу!

– Во веки веков, – ответил Генри.

Первая мысль герцога при взгляде на хозяйку замка была – эта женщина необычна, вторая – она очаровательна.

Да, она была необычной. Все в ней: от небрежно переброшенной через плечо косы и великолепных чуть раскосых глаз цвета молодой травы до свисавшего с широкого пояса маленького кинжала в ножнах и безрукавки из оленьего меха, – все казалось новым для глаза лорда, привыкшего к жеманным и капризным леди английского двора или к холодным чопорным дамам Шотландии. Леди Майсгрейв не походила ни на тех, ни на других. Она была и проста, и привлекательна в одно время. Она держалась с герцогом так, словно они были знакомы давным-давно, но вместе с тем настолько тактично, что ни на миг не задела достоинства пэра Англии. Она не приветствовала его реверансом, что было бы нелепо в ее наряде, но при этом была так сдержанна и учтивая, что Генри поневоле оказался очарован.

– Пусть ваша милость простит нас за столь бесцеремонное вторжение, но шут Паколет утверждает, что мои дети проникли в вашу башню.

– Пробрались, пробрались, – зазвенел бубенцами карлик. – И юная леди, и маленький лорд. Паколет видел, как они...

Баронесса дернула его за ухо, заставив умолкнуть.

– Простите, милорд. Мои дети сгорают от нетерпения познакомиться с раненым гостем Нейурта. Их не пускали в башню, так как вы нездоровы, но это еще больше разожгло их любопытство. Боюсь, они могут вас побеспокоить, хотя ваш же оруженосец утверждает, что здесь никого не было, и поэтому я прошу простить меня, если нарушила ваш сон.

Какой голос! Низкий, чарующий, с легкой хрипотцой, словно таящей сдержанную страстность... Генри поймал себя на том, что снова не сводит глаз с ее губ.

– Будьте милосердны, миледи! Вам не за что просить прощения. Это ваши владения, и именно я должен извиниться за то, что доставил вам столько хлопот и волнений своим неожиданным появлением.

Она улыбнулась одними уголками губ и снова осведомилась о детях. Нелепейшая ситуация. Бекингему вовсе не хотелось предавать своих маленьких приятелей, но и солгать он не мог.

– Ваши дети очаровательны, баронесса, – сказал он, зная, что ни одно материнское сердце не устоит против такой похвалы. – Я провел с ними чудесное утро, они даже развели для меня огонь в камине, согрели комнату, так что ни о каком беспокойстве не может быть и речи. И если вы обещаете, что не будете с ними чрезмерно строги, я укажу, где они могут скрываться.

Леди Майсгрейв снова улыбнулась. У нее был строгий взгляд, но от улыбки на щеках возникли такие лукавые ямочки.

– Кажется, я уже сама догадываюсь, где они нашли убежище.

И она постучала по резной консоли ложа герцога.

Все было тихо, но, когда шут упал на четвереньки и начал визгливо лаять, заглядывая под кровать, послышалась возня и показались сначала Дэвид, а затем и его сестра.

Мальчик замахнулся на шута:

– Гнусный предатель! Я велю тебя ежедневно пороть, когда вырасту.

Кэтрин немедленно начала оправдываться:

– Мы просто хотели украсить эту комнату к Новому году остролистом и зашли взглянуть, сколько веточек принести.

При этом она оглянулась на герцога и лукаво подмигнула, приглашая в союзники. Дэвид начал было что-то толковать про меч и в конце концов, перебравшись через герцога на другую сторону кровати, взялся поднимать оружие. Леди Майсгрейв пришла в ужас от поведения сына и дочери и, торопливо извинившись, поспешила увести детей. Но Генри эта сцена позабавила, он пришел в отличное расположение духа, и даже болезненная слабость, казалось, отступила.

С этого дня здоровье герцога пошло на поправку. К нему вернулся аппетит, жар спал, с каждым часом прибывали силы. Вскоре он уже начал вставать, хотя пользовавший его священник, отец Мартин, советовал ему провести в постели еще день-другой. Но Генри категорически возражал. Мало того что ему пришлось быть прикованным к постели все рождественские и новогодние празднества, но он чувствовал себя вдвойне униженным, когда за ним, словно за больным младенцем, ухаживала леди Майсгрейв. Конечно, в рыцарских романах, которыми он некогда зачитывался, прекрасные дамы также ухаживали за ранеными рыцарями. Изольда, Элейна, Лионесса – все они лечили израненных воинов, а затем воспламенялись любовью к ним. Но разница состояла в том, что их рыцари получали свои раны в поединках, а отнюдь не были простужены и не страдали болезнью легких, как объяснил Генри явившийся вскоре проведать его капеллан Нейурта отец Мартин.

Это был необычный монах – крепкий и плечистый настолько, что Генри готов был биться об заклад, что он умеет владеть оружием не хуже, чем кропить святой водицей.

– Это вы говорили на латыни, когда у меня был жар? – осведомился герцог, пока капеллан осматривал его ногу. Раны, так мучившие герцога в дороге, теперь казались ему едва ли не случайными царапинами, и он почти готов был пожалеть, что Дугласы не изранили его сильнее.

Монах внимательно взглянул на своего пациента. У отца Мартина были пронизательные темные глаза и темно-русые с проседью волосы. Он носил черную рясу братьев бенедиктинцев, но тонзуру давно не брил, и его слегка выющиеся длинные волосы почти достигали плеч.

– Да, сын мой, это был я. В то время болезнь теснилась в ваших легких, наполняя тело жаром и холодом, а к этому присоединилась еще и лихорадка от ран.

– Вы, оказывается, ученый человек, святой отец, – заметил Генри. – Ваши познания в медицине и в латыни говорят сами за себя. Видимо, вы не всегда жили в этом диком краю?

– Это так. Я долго состоял при одном из монастырей в Кенте. В Нейуорте же я всего около четырех лет. Как раз столько, сколько исполнится Дэвиду Майсгрейву.

Он ловко наложил повязку, сказав, что если так пойдет и дальше, то вскоре герцогу не потребуются его помощь. После чего напоил Генри каким-то отваром, от которого герцога бросило в пот, и вскоре пришлось менять ставшую совсем мокрой рубаху и простыни.

– Какого дьявола, святой отец! – бранился Бекингем. – Я и без этого иду на поправку.

Но священник не обратил внимания на его ворчание.

– Вы будете пить потогонное, пока у вас не изменится цвет мокроты. Леди Анна в этом со мной совершенно согласна.

– Леди Анна, – пробормотал герцог. – Как я могу говорить с благородной дамой, когда я совершенно мокрый и покрыт щетиной, словно боров. Я рыцарь или жалкий бродяга, в конце концов?

Отец Мартин снова протянул Генри глиняную чашку с питьем.

– Для нее вы всего лишь страждущий, не более того. – Он замолчал и усмехнулся: – Именно поэтому не стоит больше говорить с ней о поцелуях. Здесь

не Камелот[38 - Камелот – резиденция короля Артура. По преданию, находилась в Уэльсе.], дорогой сэры рыцарь из Уэльса, и в Нейуорте вряд ли будут верно поняты ваши куртуазные манеры.

Бекингем осекся и сердито уставился на священника. Что может этот бенедиктинец понимать в обычаях двора?

С сэром Филипом Майсгрейвом Бекингем познакомился в последний день уходящего года. Барон поднялся к нему в башню как раз тогда, когда Ральф Баннастер брил своего господина. Генри отослал оруженосца и наспех вытер лицо полотенцем. Он был несколько обескуражен, ибо перед ним предстал не дикий разбойник, а прекрасно одетый вельможа, настоящий рыцарь, статный и атлетически сложенный, с копной пышных, ниспадающих до плеч светло-русых волос, небольшой аккуратно подстриженной бородой и яркими синими глазами. Майсгрейв был учтив, как настоящий придворный, говорил неторопливо и вскоре куда более подробно, чем ранее Ральф, посвятил герцога в то, как обстояли дела с Дугласами. Они долго беседовали, и Генри невольно поддался обаянию Майсгрейва.

– Знаете ли, сэры Филип, я представлял вас совсем иным. Этаким берсерком[39 - Берсерк – воин, впадающий в неистовство во время схватки, не чувствуя ран, а наслаждаясь самим боем.] былых времен, который только и помышляет о том, как бы разрушить мир на англо-шотландском порубежье.

Барон улыбнулся. У него была открытая, ясная улыбка, хотя, и улыбаясь, он оставался сдержан и суховат.

– Я знаю, что обо мне сложилось такое мнение. В этом есть и моя вина. Раньше я жил, всецело посвятив себя мести за гибель отца, которого убили соседи из-за Твида, и, кажется, весьма преуспел на этом пути. Однако я уже давно отказался от набегов и занимаюсь лишь охраной рубежей. Тем не менее прежняя слава закрепилась за мной.

– Я заметил это, находясь в Шотландии. По крайней мере, настоятель Мелрозского аббатства изобразил мне вас совершеннейшим исчадием ада.

– К несчастью, он прав. Шесть лет назад я напал на Мелрозский монастырь, дабы покарать нескольких негодяев из рода Скоттов. Они пытались найти в Мелрозе

убежище, но я ворвался туда и казнил их. Господь тому свидетель – у меня были на то более чем веские причины.

Казалось, на какой-то миг он забыл о герцоге Бекингеме. Лицо барона озарилось мрачным светом ненависти, и Генри поневоле стало не по себе. Однако он решил, что Майсгрейв именно тот единственный человек, который мог остановить Дугласа.

В камине обрушилось догоревшее полено, взметнув сноп искр. Сэр Филип вздрогнул и очнулся. Он взглянул на своего гостя ясными синими глазами и слегка улыбнулся.

– Вы уж простите меня за фамильярность, милорд, но из вашего оруженосца брадобрей хуже некуда. Уж лучше я пришлю вам своего цирюльника.

От улыбки лицо его стало мягче, и Генри вдруг подумал о Кэтрин.

– Барон, ваша дочь очень похожа на вас.

Майсгрейв кивнул.

– Я знаю. Даже не столько на меня, сколько на мою мать. От нее она унаследовала и свои темные глаза.

Он шагнул к окну – рослый, могучий, статный. Внимательно вглядывался в сереющий сумрак за оконным переплетом.

– Вы ждете гостей? – спросил герцог.

– Да. В Нейуорт должен прибыть мой сосед Майлс Флетчер с супругой и сыном. Сегодня последний день старого года, и всегда, когда представляется возможность, мы приглашаем их к себе на встречу Нового года. Это традиция.

Генри снова повел речь о том, что из-за него у барона серьезные неприятности, на что Майсгрейв возразил, что защитить англичанина от шотландцев – его прямой долг.

– К тому же, сэ, вы уже находились в Мидл Марчезе[40 - Мидл Марчез – средняя пограничная полоса.], а следовательно – в моих землях. Иначе мои люди, заметив тогда погоню, не зажгли бы сигнального огня на скале.

К сказанному Майсгрейв добавил, что рад оказать гостеприимство пэру Англии, и если герцог не пожелает, когда поправится, перебраться во владения Перси, то он может оставаться в Нейуорте сколько захочет, до тех пор пока не прибудет достойная его положения свита.

В это время на лестнице слышались легкие шаги и в комнату вошла леди Анна.

Генри даже опешил, настолько изменившейся она показалась ему. Теперь это была настоящая дама. Ее волосы скрывал высокий эннен, богатое платье из переливающегося гранатового бархата было по бургундской моде перетянута под грудь широким поясом, украшенным крупными рубинами, а ворот и подол опущены темным соболем. Леди Анна присела в низком реверансе и, извинившись перед герцогом, сказала мужу, что на дороге показались огни и, видимо, Флетчеры с минуты на минуту будут здесь. Барон и его супруга простились с Генри и вышли. Он же подумал о том, какая это превосходная пара – суровый северный воин и его очаровательная, нежная жена. Он думал об этом с непонятной сладкой грустью, глядел на пылающий в камине огонь и слушал отголоски праздничной суеты в замке.

Вскоре долетел резкий глас трубы, слышались цоканье подков по плитам двора, приветственные возгласы. Бекингом прикрыл глаза, пытаясь уснуть. Ему стало тоскливо, как не бывало уже давно. Вокруг него был незнакомый мир, тревожный, но знающий, что такое счастье. Здесь жили особой жизнью, текущей по своим законам, и, несмотря на проявленное к нему благорасположение, он оставался чужаком. В замке праздник, а он лежит один-одинешенек, трогая веточки остролиста, которыми дети барона все же украсили его покои...

В последующие дни барон и баронесса нередко навещали к знатному гостю. Прибегали и дети. Теперь, когда Бекингом чувствовал себя все лучше, леди Майсгрейв позволяла им навещать герцога. Генри, разумеется, не возражал. Дэвид был замечательно живым ребенком, хотя порой и пытался напускать на себя важность, чем бесконечно забавлял Генри. Он был любимцем матери, Кэтрин же была в фаворе у отца. Она не скрывала, что герцог Бекингом ей весьма по нраву, а однажды даже заявила, что герцог, наверное, похож на

архангела Гавриила, из-за чего у нее с младшим братом едва не вышла драка, поскольку Дэвид уверял, что если на кого и похож этот небесный воин, то не иначе как на их отца. Герцогу даже пришлось кликнуть Баннастера, чтобы тот разнял детей, а потом подозвал Дэвида и стал внушать ему, что никогда мужчина не может назваться рыцарем, если поднимет руку на даму. Он даже поведал историю о том, как один из рыцарей Круглого стола, сэра Гавейн, случайно лишил жизни некую даму и весь двор был так возмущен этим, что рыцарю пришлось совершить немало подвигов и спасти множество дам и девиц, прежде чем его простили и королева Джиневра вновь стала улыбаться ему.

Когда Бекингем сообщил брату и сестре, что он родом из Уэльса, они даже всплеснули руками.

– О, Уэльс, это же так далеко, это страна короля Артура! Мама нам о нем рассказывала.

Они были в совершенном восторге.

– А вы видели Камелот или Карлеон? А замок Тинтагель, где родился Артур? А пещеру мага Мерлина?

Их мать, безусловно, была образованной женщиной, если, живя на Севере, так хорошо знала валлийские легенды.

Генри с наслаждением рассказывал им о своей земле, о похожих на застывшие волны Уэльских горах, которые называются «куне», о водопадах и пещерах среди скал, где встречаются удивительные сталактиты и где можно заблудиться. Где располагалась столица короля Артура, он не знал, зато замок Тинтагель видел своими глазами, когда с двором короля Эдуарда ездил в Корнуолл. Дети слушали затаив дыхание.

– Ах, как бы я хотела тоже куда-нибудь поехать! – вздыхала Кэтрин. – В Йорк или Олнвик к лорду Перси. Уэльс, наверное, гораздо дальше Олнвика?

– А я никуда не хочу! – твердил Дэвид. – Я Майсгрейв, и мое место в Нейуорте. И я буду таким же воином, как отец, и, как он, буду гнать с английской земли шотландцев. Вот так! И так!

И он принимался прыгать, размахивая своим деревянным мечом. Дэвид просто боготворил отца. Однажды он спросил у Бекингема:

– А у тебя есть свой мальчик?

– Да. Его зовут Эдуард.

– И ты катаешь его на своей лошади и даешь нажать на спусковой крючок арбалета?

Генри грустно усмехнулся.

– Нет, когда я уехал из своего замка Брекнок, мой Эдуард был еще грудным младенцем. С тех пор я не бывал дома.

– А как зовут вашу жену? – вступила в разговор Кэтрин и, узнав, что они с герцогиней Бекингом тезки, почему-то пришла в неопиcуемый восторг.

Дэвид же вдруг строго спросил:

– Раз у вас есть свой мальчик и жена, почему вы так смотрите на мою маму?

Генри застыл с открытым ртом. Неужели его восхищение леди Майсгрейв так велико, что это заметил даже такой малыш?

Когда дети убежали, он надолго задумался. Леди Анна нравилась ему, после замкнутых шотландских леди пленяла своей раскованностью. Она ежедневно навещала герцога, порой приходила одна, однако, когда Генри начинал произносить изысканные любезности, пропускала их мимо ушей.

В отличие от своей дочери леди Анна не обладала и малой толикой кокетства, что отнюдь не умаляло ее очарования в глазах герцога Бекингема. Правда, порой он досадовал на нее, оттого что она оставалась равнодушной к его восхищенным взглядам, а однажды, когда ему удалось поймать ее руку и поцеловать, лишь засмеялась и взъерошила ему волосы, как если бы он был ребенком и совершил какую-то не слишком предосудительную шалость.

Генри пребывал в недоумении. Он знал, что необыкновенно красив, знал, как обращаться с женщинами, однако леди Майсгрейв обходилась с ним так, как иной раз старая Мэгг. Она собственноручно приносила ему еду, поправляла подушки, присаживалась у камина и накладывала в металлическую грелку угли. М-да, нелегкое дело ухаживать за дамой, когда ты беспомощен и она пестует тебя, как младенца. Любопытно было бы знать, как вел себя Тристан, когда за ним ходила белокурая Изольда? И когда супруга Зеленого Рыцаря попросила у сэра Гавейна поцелуй – до или после того, как пристроила в ногах у него грелку?

Герцог почувствовал себя несколько увереннее, когда начал вставать на ноги. И сейчас же понял, что леди Анна вовсе не так проста, как кажется. Она тотчас прекратила свои визиты, а если и появлялась, то либо с капелланом, и тогда они говорили только о здоровье герцога, либо со своей камеристкой Молли, либо вместе с бароном.

В присутствии Майсгрейва Генри и в голову не шли всяческие любезности. И вовсе не потому, что он опасался супружеского гнева барона, нет. Герцогу искренне нравился владелец Гнезда Бурого Орла, нравились даже его сдержанность и немногословность. Но еще больше ему нравилась хозяйка замка. Он понимал, что обязан Майсгрейву жизнью, однако его сердце замирало при одном лишь взгляде на леди Анну, и он испытывал волнение всякий раз, заслышав ее низкий музыкальный смех.

Хотел Бекингем того или нет, но, едва поднявшись, он отправлялся бродить по замку, разыскивая его госпожу. Нейуорт был внушительной цитаделью, и Генри не скоро научился в нем ориентироваться. Это было сочетание старых и новых построек, донжон[41 - Донжон – главная башня в замке.] же представлял собой тяжеловесный параллелепипед с башенками по углам. В одной из них и помещался лорд Бекингем. Закутавшись в теплый плащ и нетвердо ступая, он проходил по жилым помещениям Нейурта или в сопровождении Ральфа поднимался на стены замка.

Замок стоял на скале в центре долины, со всех сторон окруженной лесистыми Чевиотскими горами. Внизу, у подножия скалы, было озеро, из которого вытекал ручей, извиваясь среди холмов и теряясь в болотистой низине. С другой стороны скала образовывала каменистый, сливающийся с ближайшей горой перешеек, откуда шла вниз торная дорога. В долине темнели голые рощи, нетронутый снег покрывал пашни, стеклянно блестела полоска ручья, не желавшего замерзнуть, несмотря на установившуюся морозную погоду. Там же виднелась приходская

церковь, выстроенная из грубо отесанных глыб камня и казавшаяся такой же древней, как и горы вокруг. В заводи дремало массивное колесо водяной мельницы, а вокруг располагались крытые дерном хижины довольно большого селения. Как объяснили герцогу, в Пограничном крае селения обычно насчитывали до полусотни дворов – вместе легче отбиваться от набегов шотландцев или собственных соседей, разбойников из Норт-Тайна, которые добывали себе пропитание, грабя более зажиточных соседей. Крестьяне всегда стремились селиться вблизи монастырей или замков феодалов, чтобы иметь защиту.

Нейуорт считался в этих краях грозной крепостью. Однако в замке не было того комфорта, как у рыцарей на юге Англии, хотя, как отметил Бекингем, в этой суровой твердыне сделано все, чтобы сберечь уют и тепло. Здесь везде чувствовалась женская рука. Замок был на удивление чист – целая армия слуг трудилась день-деньской не покладая рук. Леди Майсгрейв входила во все дела. Герцог не раз заставлял ее то направляющейся на хозяйственный двор, то беседующей с пришедшими из селения крестьянами, то отдающей распоряжения слугам в большом зале замка.

Барона он видел гораздо реже. Майсгрейв часто вместе со своим отрядом покидал долину – патрулируя беспокойные окраины своих владений, навещая арендаторов в соседней долине или отправляясь с обозом, чтобы привезти запас корма для скота, хранившийся в амбарах в горах. Во время его отлучек Генри пускался на поиски леди Анны, и заставлял ее то в ткацкой, восседающей за станком, то в кладовой, пересчитывающей с ключницей связки лука, а однажды обнаружил ее в свинарнике – она возилась с новорожденными поросятами. И всегда она была в своем простом платье, в оленьей безрукавке и с кинжалом за поясом. Однако ее речь и манеры выдавали настоящую леди. С герцогом она была в высшей степени учтива, но всякий раз умудрялась дать понять, что чрезвычайно занята, и ему приходилось оставлять ее и отправляться к себе в покои, где единственным развлечением были игра в кости с Ральфом Баннастером да чтение переплетенной в желтую кожу рукописной истории Гальфрида Монмутского.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В гербе Йорков было изображено восходящее солнце.

2

Дик – уменьшительное от Ричард.

3

Нэд – уменьшительное от Эдуард.

4

Генрих IV Ланкастер (1374–1399) сверг с престола своего предшественника из династии Плантагенетов, Ричарда II (1377–1399), и заморил голодом в темнице.

5

Джон Гонт – третий сын Эдуарда III. Его дети от Екатерины Суинфорд специальным парламентским актом были признаны законными. Родство Тюдоров с королевским домом было и через вдову Генриха V Екатерину Французскую, которая тайно обвенчалась с уэльским дворянином Оуэном Тюдором. Многие, однако, подвергали это венчание сомнению и считали ее детей бастардами.

6

О мертвых либо хорошее, либо ничего (лат.).

7

Дофин – титул наследника престола во Франции.

8

Сити – центральная торговая часть Лондона.

9

Валлийцами называли жителей Уэльса.

10

Колопс – шотландское национальное блюдо, запеканка из мелко нарубленного мяса с луком.

11

Господне перемирие – мир, заключаемый в дни крупных религиозных праздников.

12

Каледония – древнее название Шотландии.

13

Лиддел – река в Пограничном крае.

14

Броги – кожаная обувь шотландских горцев.

15

Слава в вышних Богу (лат.).

16

Арчибальд Дуглас был убит в замке Стерлинг, после чего брат покойного, Джеймс, поднял в Шотландии мятеж, и одно время силы сторон были равны. Но Якову II удалось привлечь на свою сторону многих приверженцев Дугласа, и вскоре войско последнего было разбито, а сам он бежал в Англию.

17

Вспоминай меня часто (фр.).

18

Сюрко – вид верхней одежды: платье без рукавов с очень низкой проймой, чтобы можно было видеть нижнее одеяние.

19

Эннен – средневековый головной убор.

20

По старинной легенде, дама, проверяя чувства своего избранника, потребовала от него сражаться без доспехов, только в подаренной ею рубашке.

21

Грот – шотландская серебряная монета достоинством четыре пенса.

22

Гленливат – шотландская водка.

23

Гилли – мужская прислуга в Северной Шотландии.

24

Герб Черных Дугласов. После их разгрома этот знак носили также и некоторые из Ангусов.

25

Мир или война – все равно! (гэльск.).

26

Роберт Брюс (1306–1329) – прославленный шотландский король, при котором Шотландия приобрела независимость от Англии. По преданию, его сердце погребено в Мелрозском аббатстве.

27

Битва при Оттенбурге (13 августа 1388 г.) закончилась сокрушительным поражением англичан, несмотря на их численное превосходство.

28

В битве при Катон-Муре (1138 г.) войско короля Стэфана разгромило шотландцев.

29

Гоу – по-гэльски – кузнец; смит – то же по-английски.

30

Пак – лесной гном в кельтской мифологии.

31

«Вечный покой даруй ему, Господи» (лат.) – начало католической заупокойной молитвы.

32

Джек с фонарем – блуждающий огонек на болоте.

33

Биконс – возвышенность в Уэльсе (2906 футов).

34

Лихорадка усиливается. Очень сильный жар (лат.).

35

Уск – река в Уэльсе, протекающая вблизи замка Брекнок.

36

Легендарный король из английских преданий.

37

Представление на Святках, когда ребенка одевают в облачение духовного лица и все взрослые выполняют ту работу, которую он им назначит.

38

Камелот – резиденция короля Артура. По преданию, находилась в Уэльсе.

39

Берсерк – воин, впадающий в неистовство во время схватки, не чувствуя ран, а наслаждаясь самим боем.

40

Мидл Марчез – средняя пограничная полоса.

41

Донжон – главная башня в замке.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/simona-vilar/zamok-na-skale>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)